

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко

Закрывайте двери
Змею мы рассекли, но не убили.
Она срастется – и опять жива.

1

Я часто видел нищих во сне. Грязных. Оборванных. В лохмотьях.

Они стучали в дверь моей комнаты. Или неожиданно появлялись на дороге.

В страхе, а иногда и в ужасе я просыпался.

Я стал думать – почему я вижу нищих. Чем они меня устрашают? Не есть ли для меня Нищий – некий условный раздражитель?

Я перелистал свои воспоминания, надеясь среди них найти устрашающие меня сцены.

Нет, образ нищего отсутствовал в моих воспоминаниях. Только лишь одна короткая сценка относилась к трехлетнему возрасту – мать шутливо протянула меня нищему.

Может быть, этот нищий устрасил меня? Может быть, остался неосознанный инфантильный страх, оживающий в моих сновидениях?

Я вспомнил о тех нищих, которых я встречал на улице. Нет, никакого страха я перед ними не чувствовал. Никакого волнения не испытывал.

А ведь этот страх должен и днем присутствовать в какой-то, хотя бы самой незначительной степени. Я уже писал однажды, что испытывал такой деформированный страх перед водой. Он и днем выражался в странных симптомах. Он нашел отражение во всей моей жизни. Я боролся с этим неосознанным страхом путем осознания. Была борьба. Следы этой трагической борьбы остались в моих записных книжках, в моей литературе. Вода была для меня первым условным раздражителем; нищий, по всей вероятности, – вторым.

Тогда я раскрыл свои записные книжки, рассчитывая на их страницах найти следы новой борьбы, следы новых схваток с неосознанным противником.

Однако в записных книжках я на этот раз не нашел того, что искал. Не было ни цифр, ни справок. Не было ничего такого, что могло говорить о повышенной заинтересованности в этом объекте.

Тогда я перелистал свои сочинения, книги.

Нет сомнения, тема нищего меня весьма интересовала. Но это был нормальный интерес литератора к социальному явлению.

Эта тема присутствовала только лишь в той степени, в какой ей надлежало присутствовать в сочинениях сатирического писателя. Мне даже показалось, что эта тема недостаточно полно и широко взята.

Я был озадачен. Как же так? Я видел нищих во сне. Нищие меня устрашали. Это очевидно. Однако проходила ночь, вставало солнце, и след нищих терялся в его лучах.

2

Тогда я вновь стал обдумывать свою жизнь, стараясь вспомнить сцены, чем-либо связанные с нищим.

Однако ничего существенного мне не удалось припомнить из этой области. Никаких нищих я не мог вызвать из забвения.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Но вот я увидел какой-то нелепый сон.

Пароход. На палубе толпа пассажиров. Эта толпа аплодирует мне. Из толпы выходит весьма молодой старик. Он цветущий, подтянутый, краснощекий. С цветком в петлице.

Почтительно поклонившись мне, старик произносит:

– О, благодарю вас, молодой человек! Помните, какой я был дряхлый, когда мне было восемьдесят лет. Теперь, когда мне стало шестьдесят, я чувствую себя отлично.

Я отвечаю:

– Очень рад, Павел Петрович, что мне удалось вам помочь.

Старик берет меня под руку. Мы с ним торжественно шествуем. Доходим до какой-то двери. Дверь открывается. Старик исчезает.

Вот весь сон. Он кажется абсурдным, бессмысленным. Я даже сначала не хотел о нем думать.

А надо сказать, что этот сон относился к тому периоду, когда я начал собирать материал для моей книги "Возвращенная молодость". Стало быть, какой-то старик благодарил меня за эту мою будущую книгу, которая вернула ему молодость.

Я стал думать об этом толстомордом старике – не видел ли я его в жизни. Нет, эти багровые щеки мне не приходилось раньше видеть.

Но почему же, в таком случае, я назвал его Павлом Петровичем? Ведь так называют только знакомых.

Я стал перебирать в моей памяти забытые имена. Такого имени я не мог припомнить.

Но тут мое внимание остановилось на двери, до которой я довел старика. Где же я видел эту тяжелую резную дубовую дверь? Нет сомнения, я где-то ее видел. Я отлично ее помню. Помню даже медную дощечку на ней. И фамилию на этой дощечке – Чистяков.

Какой же это Чистяков?

Я стал перебирать в своей памяти фамилии. Нет, среди знакомых фамилий этой не имелось.

Был весьма известный художник Чистяков. Но какое же отношение он имел ко мне?

Любопытства ради я открыл энциклопедический словарь, чтоб посмотреть, как звали этого художника. И с удивлением увидел, что имя и отчество его совпадали с тем, что я произнес во сне.

Это был знаменитый русский художник Павел Петрович Чистяков.

Неожиданно я вспомнил – он был начальником моего отца по Академии художеств.

И вдруг с необычайной отчетливостью я припомнил забытую сцену.

3

Зима. Снег. Васильевский остров.

Я с матерью иду по улице. Мы останавливаемся у двери, на которой медная дощечка: "Павел Петрович Чистяков".

Я звоню. Дверь открывает швейцар. Мать говорит:

– Скажите его превосходительству, что пришла вдова художника Зощенко.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Швейцар уходит и вернувшись говорит:

- Его превосходительство просит вас обождать здесь.

Мы садимся на деревянный диван. Долго сидим, поглядывая на широкую шикарную лестницу. Мы ждем очень долго. Я начинаю хныкать. Мне скучно. Неприятно так долго ждать. Я говорю матери:

- Если он так долго не идет, значит, он не нуждается в нас. Мама, давай уйдем.

Мама тихо говорит мне:

- Не он, а мы нуждаемся в нем. Сейчас, когда папа умер, мы должны получить пенсию. А сколько мы получим, это будет зависеть от Павла Петровича.

Проходит час. Наконец по лестнице спускается старик в черном сюртуке. Старик весьма стар, сухощав, бледен.

Мама почтительно кланяется ему. И о чем-то просит.

Старик что-то брезгливо отвечает, делая сильное ударение на "о".

Беседа продолжается три минуты.

Мы уходим.

Мама берет меня за руку. И мы снова идем по улице. Я говорю:

- Мама, вот уж я бы не стал так вежливо говорить, как ты с ним говорила.

Мама отвечает:

- Что же делать, Мишенька, - мы от него зависим.

- Все равно. Он плохо с тобой разговаривал. И плохо попрощался - сразу отвернулся.

Мама начинает плакать. Я говорю маме:

- Да, но он со мною поступил еще хуже, чем с тобой. Он даже не поздоровался со мной и не попрощался. И то я не плачу.

Мама плачет еще сильнее. Чтоб утешить ее, я говорю:

- У меня есть двадцать копеек. Если хочешь, я найму извозчика, и мы поедем домой.

Я нанимаю извозчика, и мы садимся с мамой в пролетку.

4

Мне показалось, что эта сцена в передней имела значение в моей жизни.

Мне показалось, что эта сцена устроила меня.

В самом деле. Снова передо мной был образ нищего. Однако на этот раз нищим был я сам.

Я стоял в передней с протянутой рукой. Я просил. И мне подавали. Быть может, я боялся стать нищим? Боялся очутиться в качестве жалкого просителя? И вот почему образ нищего устроил меня?

Я стал думать о нищих, которые во множестве бродили по старым дорогам моей страны. И о великой революции, которая поставила своей задачей уничтожить это бедствие.

Я стал думать о том прошлом мире, в котором я родился и жил. О том мире, который

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
создал нищих, просителей, людей, которые кланяются, кланчат, унижаются.

Вероятно, этот мир устроил меня. Вселил неуверенность. Создал пугало в образе нищего.

Я вспомнил этот мир. Вспомнил людей, окружавших меня. Вспомнил взаимоотношения.

Нет сомнения, это был несчастный мир. Он нес с собой болезни не менее опасные, чем те, о которых я пишу в этой книге. Он мог вселить тревогу, беспокойство, страх. Нет сомнения, он мог создать пугало в образе нищего.

Итак, я вспомнил этот мир, в котором я родился. Мир богатых и нищих. Мир просителей и подающих. Мир, который меня устроил.

Какое странное и смешанное чувство я испытал! И вдруг понял, что этот мир я никогда больше не увижу. И почувствовал сожаление, какое, впрочем, часто чувствуют ко всему ушедшему, особенно – ко временам своего детства. И какую радость при этом я испытал!

Но о чем же я сожалел? Что оставил я в том прошлом мире? И почему я немного сожалею о том, что меня устроило?

Я не мог понять. Не мог выразить словами причину своего сожаления. И тогда я рассказал об этих своих чувствах одной одинокой женщине. Она была моя сверстница. Но она считала, что больше знала о прошлом мире.

Она сказала:

– Я испытываю такие же чувства. Но только они не случайны, как у вас. Я не перестаю оплакивать прошлый мир, хотя уже минуло восемь лет с тех пор, как мы его потеряли.

Я сказал:

– Но ведь прошлый мир был ужасный мир. Это был мир богатых и нищих. Он мог устрашать людей. Это был несправедливый мир.

– Пусть несправедливый, – ответила женщина, – но я предпочитаю видеть богатых и нищих вместо тех сцен, пусть и справедливых, но неярких, скучных и будничных, какие мы видим. Новый мир – это грубый, мужицкий мир. В нем нет той декоративности, к какой мы привыкли. Нет той красоты, которая радует наш взор, слух, воображение. И вот в чем наша боль и наше сожаление. Что касается справедливости, то я с вами не спорю, хотя и предполагаю, что башмак стопнется по ноге.

Уйдя от этой женщины, я стал думать – так ли это, как она сказала?

Мне захотелось припомнить какие-нибудь изящные сцены из прошлого. Я принялся думать о шелковых тканях, о музыке в гостиницах, об утонченных словах, произнесенных при встречах, о лакированных экипажах, проезжающих по улицам.

Я припомнил несколько сцен. Нет, они не были связаны с душевным волнением. Они не вошли в мои воспоминания. Должно быть, они были привычны для моего взора. Должно быть, они были ничем не удивительны, повседневны.

5

Об этих сценах, вероятно, я не вспомнил бы, если бы не подумал о том, о чем думаю теперь, стараясь понять, откуда возникли эта боль, эта радость и сожаление.

На берегу моря

В студенческом кителе, со стэкком в руках, я иду по берегу моря.

Сестрорецкий пляж. Жарко. Лето. Играет симфонический оркестр.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
На горячем песке расположились люди. Шикарные женщины в шляпах, с зонтиками в руках. Чахлого вида мужчины в пенсне, в пиджаках.

Мило прогуливаются детишки. Они в шляпах, в чулочках, в башмаках. Какая-то девчурка хнычет.

- Маменька, - говорит она, - пожалуйста, разреши мне снять чулочки.

- Нет, это неприлично, - говорит мать. - Мы снимем чулки, когда пойдем купаться.

Кругом чинно, скучно. Почти не видно загорелых тел. Почти не слышно криков, возгласов, смеха. Кто-то визжит, входя в воду. Кто-то завывая читает стихи. Кому-то на подносе несут пиво.

Боже мой, как нестерпимо скучно..

"Дух выше, молодой человек"

Похлопывая стэком по узким своим брюкам, я подхожу к моим знакомым. Это - знаменитый адвокат Н. и его жена мадам Н. Н.

Мне нравится жена этого адвоката. Я немного ухаживаю за ней.

Мадам Н. Н. улыбается, когда я подхожу. Стыдливо прикрывает свое тело, наглухо затянутое в шикарный купальный костюм. Помахивает белым веером из страусовых перьев.

Я сажусь рядом.

Мадам Н. Н. кокетничает со мной. Однако разговор не клеится. Рядом муж. Это пресно.

- Серж, - говорит она супругу, - ты бы, право, пошел к воде. Не нужно купаться, но один раз окунуться - это следует, мой друг. Это полезно для твоего здоровья.

Серж безропотно сдирает с себя чесучовый пиджак. Отстегивает шелковые подтяжки. Раздевается.

Я вижу чахлое его тело. Впалую, чахоточную грудь. И жалкие руки, лишенные мускулов.

Увидя на себе мой взор, судебный работник бормочет:

- Дух выше, молодой человек. Дух, а не тело - вот в чем наша забота, наша красота.

Осторожно ступая на песок, Серж, как по гвоздям, идет к воде.

Его руки, худые и безжизненные, болтаются, как плети.

Мы слушает поэму

Изящная гостиная. Шелковая мебель. Кружева. Тюль. Фарфоровые безделушки. Французская речь.

Хозяин - бледный, томный, усталый. Нечто декадентское в его лице.

Плавню жестикулируя, он читает свои стихи. Он читает поэму о какой-то "первоначальной" красоте, к которой должны стремиться люди, об утонченной страдающей душе, блуждающей в грубом мире, в мире низменных страстей. Чтение прерывается каким-то криком в передней.

Хозяин морщится. Страдальчески наморщив лоб, выслушивает горничную, которая что-то ему тихо докладывает.

Неожиданно на пороге гостиной появляется женщина. Она немолода. Плохо одета.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Седые ее волосы торчат из-под шляпки.

- Ты что же со мной делаешь, Пьер? - говорит она. И, увидев гостей, продолжает:
- Нет, я не погляжу, что у тебя гости. Пусть все знают, какой ты негодяй: твой покойный отец, мой родной брат, велел ежемесячно выдавать мне по сто рублей. А ты что делаешь? Ты что, ирод, издеваешься надо мной?

Наморщившийся, как от зубной боли, хозяин тихо говорит:

- Уйдите, тетя Лизет. Отец не говорил мне этого. Подавайте в суд.

Горничная и хозяин выпроваживают тетку. Неожиданно та падает на пороге.

- Притворяется, - говорит хозяин. И, вытащив из кармана кредитку, швыряет тетке.
Дверь гостиной закрывается. Мы не видим продолжения.

Закрыв глаза рукой, хозяин извиняется перед гостями за невольную сцену. Кто-то из гостей говорит:

- Как совпала ваша поэма с тем, что случилось! Какой грубый мир! И какое счастье, что его можно избежать, отгородиться от него поэзией, душевным одиночеством...

Хозяин продолжает читать прерванную поэму.

На червой лестнице

На ступеньках лестницы сидят рабочие. Они грязные, оборванные. Некоторые из них - в лаптях.

Это рабочие-сезонники. Они достраивают дом во дворе. И вот сегодня, в воскресенье, они пришли к домовладельцу, чтоб получить свой недельный заработок.

Кто-то из них говорит:

- Нет, они не любят сразу платить. Они поманежат людей, а потом уже платят.

Кто-то из рабочих встает и, подойдя к двери, несмело стучит.

В дверях появляется горничная. Она в белом передничке. На голове ее - накрахмаленная белая наколка.

Горничная говорит:

- Ну что вы стучите, дьяволы... Кажется, сказано вам - барин занят. Приходите вечером.

Сезонник говорит:

- Вечером придешь, скажут - утром приходите. Ведь каждую неделю такая канитель. Сделайте милость, доложите барину, дескать, люди ждут...

Горничная с досадой говорит;

- Барин занят. Не будет сегодня платить. Уходите к лешему.

Дверь захлопывается. Я сижу на подоконнике с Вале́й. Валя - дочь этого домовладельца. Нам по пятнадцати лет. У нас нечто вроде флирта. Вот уже час мы сидим на подоконнике и о чем-то болтаем. Я спрашиваю Валю:

- Валечка, а чем занят ваш папа? Смущенно потупив глазки, Валя говорит:

- К нему опять пришла Анель. Когда была жива мама - она не смела приходить. Теперь она приходит. Я боюсь, что папа на ней женится. Она с утра у него. Они собираются ехать на бега.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Я смотрю на сезонников, расположившихся на ступеньках лестницы. Некоторые из них курят. Другие пьют и закусывают.

Мы с Вале́й смотрим в окно...

6

Как забытые видения, мелькают передо мной эти маленькие сцены из прошлой жизни. Какие неприятные сцены, какие горькие воспоминания! Какая нищенская красота!

Так вот почему я рад, что больше не увижу ушедшего мира, мира роскоши и убожества, мира неслыханной несправедливости, нищеты и незаслуженного богатства! Вот почему я рад, что не увижу больше узкогрудых чахоточных людей, в сердце которых уживались высокие, изящные чувства и варварские намерения!

Значит, нет никаких мотивов для сожалений. А оно было – это сожаление, – и оставалась эта боль. И я снова не мог понять, откуда эта боль возникает.

Быть может, она возникает оттого, что я видел печальные сцены прощанья с этим ушедшим миром. Я был свидетелем, как уходил этот мир, как с плеч его соскользнула эта непрочная красота, эта декоративность, изящество.

Я вспомнил одного поэта – А. Т-ва.

Он имел несчастье прожить больше, чем ему надлежало. Я помнил его еще до революции, в 1912 году. И потом я увидел его через десять лет.

Какую страшную перемену я наблюдал. Какой ужасный пример я увидел.

Вся мишура исчезла, ушла. Все возвышенные слова были позабыты. Все горделивые мысли были растеряны.

Передо мной было животное более страшное, чем какое-либо иное, ибо оно тащило за собой привычные профессиональные навыки поэта.

Я встретил его на улице. Я помнил его обычную улыбочку, скользившую по его губам, – чуть ироническую, загадочную. Теперь вместо улыбки был какой-то хищный оскал.

Порывшись в своем рваном портфеле, поэт вытащил тоненькую книжечку, только что отпечатанную. Сделав надпись на этой книжечке, поэт с церемонным поклоном подарил ее мне.

Боже мой, что было в этой книжечке!

Ведь когда-то поэт писал:

Как девы в горький час измены,
Цветы хранили грустный вид.
И, словно слезы, капли пены
Текли с их матовых ланит...

Теперь, через десять лет, та же рука написала:

Пышны юбки, алы губки,
Лихо тренькает рояль.
Проституточки-голубки,
Ничего для вас не жаль...
Все на месте, все за делом,
И торгует всяк собой:
Проститутка – статным телом,
Я – талантом и душой.

В этой книжечке, напечатанной в издании автора (1922 г.), все стихи были необыкновенные. Они прежде всего были талантливы. Но при этом они были так

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ужасны, что нельзя было не содрогнуться, читая их.

В этой книжечке имелось одно стихотворение под названием "Моление о пище". Вот что было сказано в этом стихотворении:

Пищи сладкой, пищи вкусной
Даруй мне, судьба моя, -
И любой поступок гнусный
Совершу за пищу я.
В сердце чистое нагажу,
Крылья мыслям отстригу,
Совершу грабеж и кражу,
Пятки вылижу врагу!

Эти строчки написаны с необыкновенной силой. Это смердяковское вдохновенное стихотворение почти гениально. Вместе с тем история нашей литературы, должно быть, не знает сколько-нибудь равного цинизма, сколько-нибудь равного человеческого падения.

Впрочем, это не было падением, смертью при жизни, распадом, тлением. Поэт по-прежнему оставался здоровым, цветущим, сильным. С необыкновенным рвением он стремился к радостям жизни. Но он не пожелал больше врать. Он перестал притворяться. Перестал лепетать слова - ланиты, девы, перси. Он заменил эти слова иными, более близкими ему по духу. Он сбросил с себя всю мишуру, в которую рядился до революции. Он стал таким, каким он и был на самом деле, - голым, нищим, омерзительным.

7

Этот поэт Т. действительно стал нищим. Он избрал себе путь, который заслуживал.

Я увидел его однажды на углу Литейного. Он стоял с непокрытой головой. Низко кланялся всем, кто проходил мимо.

Он был красив. Его седеющая голова была почти великолепна. Он был похож на Иисуса Христа. И только внимательный глаз мог увидеть в его облике, в его лице нечто ужасное, отвратительное - харю с застывшей улыбочкой человека, которому больше нечего терять.

Мне почему-то было совестно подойти к нему. Но он сам окликнул меня. Окликнул громко, по фамилии. Смеясь и хихикая, он стал говорить, сколько он зарабатывает в день. О, это гораздо больше, чем заработок литератора. Нет, он не жалеет о переменах. Не все ли равно, как прожить в этом мире, прежде чем околеть!

Я отдал поэту почти все, что было в моих карманах. И за это он хотел поцеловать мою руку.

Я стал стыдить его за те унижения, которые он избрал для себя.

Поэт усмехнулся. Унижения? Что это такое? Унизительно не жрать. Унизительно околеть раньше положенного срока. Все остальное - не унизительно. Все остальное идет вровень с той реальной жизнью, которую судьба ему дала в обмен за прошлое.

Через час я снова проходил по этой же улице. К моему удивлению, поэт по-прежнему стоял на углу и, кланяясь, просил милостыню.

Оказывается, он даже не ушел, хотя я дал ему значительные деньги. Я и до сих пор не понимаю - почему он не ушел. Почему он не тотчас бросился в пивную, в ресторан, домой? Нет, он продолжал стоять и кланяться. Должно быть, это его не угнетало. А может быть, даже и доставляло интерес. Или не пришло еще время для его завтрака, и поэт для моциона остался на улице?

Я встретил Т. год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела картонка с надписью: "Подайте бывшему поэту".

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Хватая за руки прохожих и грубо бранясь, Т. требовал денег.

Я не знаю его дальнейшей судьбы.

Образ этого поэта, образ нищего остался в моей памяти, как самое ужасное видение из всего того, что я встретил в моей жизни.

Я мог страшиться такой судьбы. Мог страшиться таких чувств. Такой поэзии.

Я мог страшиться образа нищего.

8

И вот, думая об этом несчастном поэте, я невольно стал вспоминать поэзию моего времени.

Я вспомнил чувствительные и грустные романсы, какие пели тогда:

"О, это только сон", "Гори, гори, моя звезда", "Хризантемы в саду".

Не скрою от вас – у меня появились слезы на глазах, когда я вдруг припомнил эти позабытые звуки.

"Так вот откуда сожаление, – подумал я. – Значит, я оплакиваю не тот "красивый мир" богатых и нищих, я оплакиваю ту печальную поэзию, которая была мне сродни. Может быть, она действительно была хороша – эта поэзия?"

Я стал вспоминать стихи моего времени.

Это были отличные стихи, отличная поэзия. Поэзия Блока, Есенина, Ахматовой.

Но какая боль в ней чувствовалась! Какие печальные мелодии напевали эти поэты! Почему?

Только лишь потому, что их не удовлетворяла та жизнь, которую они имели? Тот общественный строй, который они на себе испытали. Нет, вряд ли.

И вдруг вспомнил строчки из В. Брюсова:

Вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Почему же он так сказал? Почему он не сказал, что встречает приветственным гимном тех, которые уничтожат несправедливость, вопиющее неравенство, нищету? Нет, мы знаем, что поэт приветствовал революцию. Примкнул к ней, пошел вслед за ней, чтоб увидеть новый мир, новых людей. Но почему все же он нашел такие жестокие слова в отношении самого себя?

Я стал перелистывать стихи Брюсова, его дневники, письма.

Я увидел, что это очень неплохой поэт. Но какой он неровный! Какая меланхолия одолевает его по временам!

Какие истерические нотки слышатся в его музыке, в его мыслях! Какая катастрофа присутствует в его сердце!

Нет сомнения – он не считал себя здоровым, полноценным человеком. И вот почему он так сказал.

Должно быть, он не хотел, чтоб искусство находилось в дрожащих руках неврастеников. Не хотел, чтоб оно воспитывало прежние чувства, прежних людей.

Какие жестокие слова были произнесены! Какой адский выход был найден!

Но, может быть, эта катастрофа, истерика и меланхолия были свойственны только лишь большим поэтам, в силу их высокой миссии, высокой чувствительности,

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
высокого сознания?

Может быть, все остальные поэты бодрими голосами напевали торжественные гимны природе?

Я стал перелистывать стихи моего времени.

Нет. Все то же самое. Только хуже. Бедней. Ужасней.

Блок как в фокусе соединил в себе все чувства своего времени. Но он был гений. Он облагородил своим гением все, о чем он думал, писал.

Строчки малых поэтов, лишенные этого благородства и вкуса, были ужасны:

У феи – глазки изумрудные,
Все на траву она глядит.
У ней – наряды дивно-чудные:
Опал, топаз и хризолит...

Какой цветистый, нищенский язык! Какая опереточная фантазия у неплохого, в сущности, поэта!

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

Нет, неприятно читать эти стихи. Нестерпимо слышать эту убогую, инфантильную музыку. Отвратительно видеть эту мишуру, эти жалкие манерные символы.

Я перелистываю поэтические сборники моего времени.

С холодным сердцем, без капли волнения я читаю то, что мы читали и, должно быть, любили.

Я себе не верю, верю только
В высоте сияющим звездам.
Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.

Нет. Мне не жаль этой утраченной поэзии. Не жаль потерянных "нездешних цветов".

Мне не жаль и потерянной бодрости, которую я встречаю в иных стихотворениях:

Я верю в светлое начало,
Я знаю правду темноты.
Во мраке Ночь меня качала,
Чтоб Дню я показал цветы.

Бог с ней, с этой бодрой поэзией. Она отвратительна:

Крошки-ручки изломаю
В нежных пламенных пожатьях,
Зацелую, заласкаю,
Задушу тебя в объятьях.

Я перелистываю роскошные журналы моего времени. Вот Бальмонт поэтически пишет о подруге Эдгара По:

"Чаровательница и рабыня своих женских страхов, женщина, полюбившая ангела, демона, духа, кого-то, кто больше, чем человек, и потому испугавшаяся – нежная

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Сибилла, заманившая и себя и другую душу в колдования любви..."

И еще:

"Вестник Запредельного, глашатай глубин и носитель тайн, бессмертный Эдгар, взявший в своем мировом служении великую тяжесть необходимости явить нам, как может быть одинока душа человека среди людей..."

Слезы давно уже высохли на моих глазах. Нет, я ни о чем больше не жалею. Я не жалею о том мире, который я потерял.

9

"Однако куда же я забрел? – подумал я. – В какие же психологические дебри завел меня нищий, за которым я покорно пошел с надеждой найти причину моего страха перед ним?"

Не знаю, какие новые шаги мне предстояли и какие ждали меня разочарования, если б я этим путем пошел дальше.

Но я спохватился. Я понял, что я неверно рассуждаю, неверно иду.

Ведь мне надо было найти причину моего младенческого страха перед нищим, а не причину боязни взрослого человека.

Разве младенцу понятны мои тревоги, волнения, чувства, стихи и прошлый мир, с которым я прощался?

Разве младенцу понятен образ нищего?

Нет, образ нищего не есть образ, понятный младенцу.

В таком случае, как же он возник? Отчего он появился в моих снах?

Я вспомнил принцип сновидений. Вспомнил – что такое сон с точки зрения современной науки.

Я повторю, хотя бы вкратце. Это имеет первостепенное значение.

Два этажа имеет наш мозг. Высший этаж – кора мозга и подкорковые центры – здесь источники приобретенных навыков, центры условных рефлексов, центры нашей логики, речи. Здесь – наше сознание. Нижний этаж – источник наследственных рефлексов, источник животных навыков, животных инстинктов.

Два эти этажа, как мы говорили, нередко находятся в конфликте. Высшие силы борются с низшими, побеждают их, оттесняют еще ниже или изгоняют вовсе.

Ночью высший этаж погружается в сон.

Сознание гаснет, ослабляет контроль.

А так как заторможение спускается не ниже подкорковых центров, то низшие силы оживают и, пользуясь ослаблением контроля, выявляются в сновидениях. Оживают страхи – заторможенные или оттесненные сознанием.

Вот какова – схематично – общая картина сна. И вот каков механизм, лежащий в основе наших сновидений.

Казалось бы, весьма просто с помощью сновидения обнаружить причину патологического торможения, увидеть то или иное заглушенное чувство, понять образ, возникший в снах.

Да, это было бы весьма просто, если б высший и низший этажи "разговаривали" на одном языке. Однако "обитатели" этих этажей не имеют одинаковой речи. Высший этаж мыслит словами. Низший этаж мыслит образами.

Можно допустить, что такое образное мышление свойственно животному и в

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
одинаковой мере младенцу.

В силу такого образного мышления сновидения нередко приобретают символический характер. Это понятно – простейшие образы, соединенные вместе, могут создать символ. И сложность этих символов не одинакова. Эта сложность меняется в зависимости от развития человека.

Мы видели не раз, как вместе с умственным развитием меняются и усложняются условные нервные связи. В одинаковой мере и сновидения меняют свой смысл, меняют свое значение в зависимости от роста сознания, в зависимости от характера человека, от его индивидуальности.

Поэтому, чтоб понять образ низшего этажа, нужно разговаривать на языке младенца, нужно видеть его глазами. И при этом нужно расшифровывать символику, которая возникает в силу образного мышления младенца, учитывая, конечно, рост и развитие человека.

Значит, образ нищего – символический образ. Этот образ мог возникнуть только лишь в силу дальнейшего умственного развития ребенка. И нет сомнения, что в основе этого образа были заложены иные, более примитивные образы, понятные младенцу.

Значит, образ нищего следует расчлнить на простейшие составные элементы.

Какие же элементы могли создать образ нищего, как объект устрашения? Можно допустить, что символ возник по признакам поступков нищего.

Что делает нищий? Он стоит с протянутой рукой. Он просит. Его протянутая рука что-то берет.

Вот это уже нечто доступное пониманию младенца. Рука, которая берет, могла устроить младенца. Из этих элементов мог в дальнейшем возникнуть символический образ нищего.

10

Со всей отчетливостью я вдруг понял, что я боюсь не нищего, а его руки. Я боюсь не нищего, который что-то у меня возьмет, я боюсь руки, которая что-то у меня отнимет.

Я тотчас понял, что эта рука и есть то, что я ищу. Я понял, что эта устрашающая меня рука – второй условный раздражитель в сложной комбинации моего младенческого психоневроза.

Какая-то рука пыталась схватить меня, когда я во сне бежал по синему полю, спасаясь от черной воды. Именно эта рука хотела что-то взять, отнять, украсть.

В этой руке нищего вора и, может быть, убийцы имелись те простейшие элементы, из каких в дальнейшем был создан столь ужасный для меня символический образ нищего.

Значит – вода и рука.

Какой прочной условной связью могли соединиться два эти найденные раздражителя? Какая роковая повторяемость могла произойти в жизни младенца?

Однако что же именно обозначала эта рука? И что она хотела взять у меня?

Что берет нищий, вернее, его рука? Она берет то, что подают: деньги, хлеб, еду – милостыню.

Нет сомнения, ребенок мог пожалеть, что рука нищего берет то, что принадлежит ему, ребенку. Но почему же это сожаление сопровождалось страхом? Это было непонятно. Тогда я стал вспоминать детали одного сна, в котором фигурировал нищий. Я сижу за каким-то большим столом. Раздается звонок. Потом стук. Я подбегаю к двери не с тем, чтобы открыть ее, а с тем, чтоб проверить – хорошо ли она закрыта. Нищий стоит за дверью. Он тянет ее к себе. Напрягая силы, я не позволяю нищему открыть дверь. Происходит борьба. Сердце мое колотится от страха

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
и от физических усилий.

Ужас охватывает меня, когда дверь приоткрывается. Однако я делаю усилие и закрываю дверь. Закрываю на ключ, на цепочку. С облегчением возвращаюсь к столу.

Разве это был нищий за дверь? Может быть, это был вор? Нет, вор не стал бы стучать и звонить. Это был именно нищий, который хотел что-то у меня отнять.

Что же хотел он отнять?

Я снова не мог понять. Но зато я понял, что этот страх я испытывал не только во сне. Я испытывал его и днем. Ведь это я – мальчик, а потом юноша и, наконец, взрослый – кричал: "Закрывайте двери!" И каждый вечер тщательно проверял крючки и запоры на дверях, на окнах. Я не мог заснуть, если дверь была открыта. Если на дверях не было крючка или задвижки, я ставил стул и на стул укладывал чемодан или какие-нибудь вещи с надеждой, что они упадут и разбудят меня, если кто-то попытается войти в мою комнату.

Стало быть, этот сон реально обоснован. Стало быть, страх присутствовал не только в сновидениях.

К чему же относился этот страх? Что хотел отнять у меня нищий? Ведь я никогда ничего не жалел. Напротив, я даже радовался, если у меня пропадала какая-нибудь вещь. Мне казалось легче и проще жить без вещей.

Что же, в таком случае, устрашало меня? Какая потеря казалась мне невозвратимой? Что защищал я с таким страхом и трепетом?

И что, наконец, хотела взять эта страшная рука, которая погружала младенца в воду, наказывала и заставляла в страхе биться маленькое несчастное сердце?

Тигры идут
Над ранами смеется только тот,
Кто не бывал еще ни разу ранен.

1

Когда я захотел узнать, что обозначает рука и что она намерена взять у меня, – я стал испытывать необыкновенный страх.

Такой силы страх я раньше не испытывал даже ночью. Теперь он возникал и днем, главным образом на улице, в трамвае, при встрече с людьми.

Я понимал, что этот страх возникает оттого, что дотрагиваюсь до самых глубоких ран, тем не менее, этот страх всякий раз потрясал меня. Я стал спасаться от него бегством.

Это было нелепо, невероятно, даже комично, но страх исчезал, когда я добирался до своего дома, до своей лестницы.

Уже в подъезде он оставлял меня.

Я пробовал бороться с ним. Хотел подавить его, уничтожить – волей, иронией. Но он не подчинялся мне. Он возникал еще в большей степени.

Тогда я стал избегать улицы, людей. Почти перестал выходить из дому.

Однако страх вскоре проник и в мою комнату. Я стал страшиться ночи, темноты, еды. Перестал спать на кровати. Спал на полу, на тюфяке. Почти перестал есть. Насильно проглоченный кусок хлеба вызывал тошноту, рвоту.

Казалось, все было кончено. Казалось, приближается развязка – бессмысленная, дикая, постыдная.

Уже ничто не интересовало меня. Игра, казалось, была проиграна. Борьба кончилась

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
поражением. Я находился в полном подчинении у страха. Уже мрак стал окутывать мою голову.

Наступала гибель более страшная, чем я предполагал. [1]

Пришли дни, когда я не мог ни лежать, ни сидеть. Необыкновенно слабый, я мотался из угла в угол, задыхаясь от ужасных сердечных припадков и от невыносимых спазмов во всем теле.

На моем письменном столе лежал листочек. Там были записаны сны, которые тревожили меня. По временам я обращался к этим снам, имея слабую надежду разобраться в них. Но они были непонятны.

Я искал руку, ее значение, ее связь с тем, что меня так утешало. Но сны ничего не говорили о руке. Они говорили о тиграх, которые входят в мою комнату.

Я и раньше видел подобные сны. Но теперь они были необыкновенно реальны.

В комнату входили тигры и, помахивая хвостами, следили за каждым моим движением.

Я чувствовал горячее дыхание этих тигров, видел их сияющие пламенные глаза и страшные багровые пасти.

Тигры не всегда входили в комнату. Мной раз они оставались за дверью. И тогда раздавался их ужасающий громовый рев. Этот рев сотрясал комнату. Звенела посуда, падала мебель, колыхались занавески и картины на стенах.

Нет, эти тигры не терзали меня. Постояв в комнате или за дверью, они уходили, четко постукивая когтями о пол.

В один из дней в моем уме мелькнула догадка.

"Что если, - подумал я, - тигр есть символ? Такой же символ, как образ нищего?"

Ведь принцип сновидений одинаков. Образное мышление низшего этажа психики и дальнейшее развитие ребенка непременно создают символику.

В образе нищего я увидел простейшие элементы. Я увидел руку и действие этой руки - она берет, отнимает. Должно быть, и в образе тигра следует увидеть нечто более примитивное, доступное пониманию малыша.

Тигр - хищный зверь. Он что делает? Бросается на свою жертву, хватается ее, уносит, терзает. Он пожирает ее. Зубами и когтями рвет ее мясо.

Неожиданно возникли ассоциации с рукой. С этой страшной жадной рукой, которая тоже что-то берет, отнимает, хватается.

Нет сомнения - эти образы были одного и того же порядка.

Рука нищего, вора приобретала новые качества, свойственные дикому зверю - тигру, хищнику, убийце.

2

Я вспомнил давний сон. Быть может, даже это не был сон. Быть может, память сохранила то, что когда-то произошло наяву. Но это осталось в памяти как сновидение.

Сквозь далекий туман забвения я вспомнил тесную комнату.

Из темной стены тянется ко мне огромная рука. Это рука уже надо мной. Я кричу. В ужасе просыпаюсь. Хочу вскочить с кровати. Но не могу. Кровать затянута сеткой.

Если это сон, то, нет сомнения, он относится к давнему времени. Маленькая кровать, затянута сеткой, определяет младенческий возраст. В самом деле - этот сон слишком примитивен, прост. Должно быть, этот сон был когда-то увиден младенцем.

Ребенок увидел руку во сне. Эта рука, судя по растопыренным пальцам, собиралась взять, схватить ребёнка. Вряд ли сон повторял дневное происшествие. Дневной страх был, видимо, в меньшей степени. Иначе не возник бы сон.

Что же, в таком случае, произошло днем?

Видимо, днем рука что-то взяла, схватила, отняла у младенца.

Что же она могла взять, схватить такое, что так устало? Вероятно, весьма дорогое, ценное, почти равносильное по ценности самому младенцу.

Что же может быть столь ценным в жизни младенца? Игрушка? Соска? Грудь матери? Питание?

Должно быть, питание. Скорей всего – грудь матери, та грудь, которая кормит младенца, дает ему жизнь, питание, радость.

Должно быть, эта грудь была отнята рукой.

Если рука отняла грудь, лишила питания, то, с точки зрения младенческой логики, эта страшная рука могла совершить новое, еще более тяжкое преступление. Об этом преступлении и говорит сон. Рука нищего, вора, явилась ночью в новом ее значении – она пришла за самим младенцем. Она хотела взять его, схватить, унести.

Как же, однако, возник дневной страх, столь усиленный и усложненный ночью? Что именно случилось днем?..

Впрочем, днем, может быть, ничего особенного и не произошло. Может быть, было только лишь то обычное, повседневное, что бывает в жизни каждого младенца, – рука матери отнимает грудь.

Быть может, маленький жадный малыш, утраченный этим частым повторением, не без волнения следил за рукой, отнимающей питание, грудь, жизнь. Быть может, рука отца, однажды положенная на грудь матери, еще более утратила ребенка.

Но ведь в жизни каждого ребенка повторяется то же самое – рука отнимает грудь, наказывает, купает. Почему же у других это происходит бесследно, не травмирует их, не оставляет ран? Ну что ж – мы разбираем исключительный случай. Мы видим перед собой крайне чувствительную психику младенца – будущего художника, фантазера. Мы видим пример, когда столь чувствительная психика способствует возникновению болезней.

Мы говорим в данном случае не о норме...

3

Итак, рука отнимала грудь, питание. Рука являлась за ребенком, чтобы взять, схватить, унести его.

Но почему же эта рука ассоциировалась с тигром? Значит, что-то произошло еще?

И вот, анализируя этот символический образ тигра, я увидел сон, который подтвердил точность и правильность этого символа.

Я увидел длинный коридор. Очень светлый. Со множеством окон. Что есть духу я бегу по этому коридору. Кто-то гонится за мной. Слегка обернувшись, я вижу человека, в руке которого нож. Длинный, блестящий, сверкающий нож. Этот нож занесен надо мной.

Рванувшись вперед, я выбегаю из коридора. Двор. Камни. Я падаю на камни. Надо мной синее небо, солнце. Тишина...

Я тотчас понял этот сон. Окна коридора мне дали точный ориентир. Это были огромные светлые окна больницы, видимо, операционной.

Нет сомнения: рука с ножом – рука врача, хирурга.

Неожиданно я вспомнил давний рассказ моей матери. Мать рассказывала об операции, которая была сделана, когда мне было два года. Эта операция была сделана без хлороформа, спешно, неожиданно, начиналось заражение крови.

Я смутно помню этот рассказ. Я запомнил, главным образом, то, что мать говорила о своем переживании. Она слышала мой ужасный крик. И потеряла сознание.

Вот все, что я запомнил из рассказа матери.

Я стал осматривать свое тело, надеясь найти какой-нибудь шрам, разрез, оставшийся от ножа хирурга.

Я нашел этот шрам. Он был величиной почти в три сантиметра. Должно быть, это был весьма глубокий разрез, если шрам остался на всю жизнь.

Бедный малыш. Можно представить его ужас, когда страшная рука, принеся ему столь много бед и волнений, вооружилась ножом и стала резать маленькое жалкое тельце. Нет сомнения – эта рука, вернее, обладатель этой руки в своих качествах мог приравняться к тигру. Это была рука хищника, лапа кровожадного зверя.

Бедный малыш даже не представлял себе, что режут, зачем. Он лежал с задранными кверху ножонками, чувствовал адскую боль и видел руку с ножом – знакомую руку нищего, вора, хищника, убийцы.

Какое поразительное, роковое совпадение!

Какое утверждение травмы! Какая психическая кастрация! Какой в дальнейшем бурный ответ мог происходить при столкновении с условным раздражителем!

Но только ли такой бурный ответ мог возникнуть при столкновении со вторым условным раздражителем – рукой? Нет. В равной мере такой ответ мог возникнуть при столкновении с третьим условным раздражителем. Этим третьим раздражителем являлась грудь. Грудь матери. Грудь, которая соединялась условной нервной связью с рукой.

Я снова вспомнил принцип условных рефлексов. Один раздражитель, условно связанный с другими (даже и при отсутствии второго), создавал два очага возбуждения, равных по силе, ибо между двумя очагами имелась условная нервная связь.

Стало быть, увиденная грудь создавала у младенца второй очаг возбуждения, тот очаг, который возникал при виде руки – руки вора, нищего, хищника, убийцы.

Какая страшная картина открывалась передо мной! Какая жалкая жизнь предназначалась ребенку, юноше, мужчине! Какой характер и какое поведение было predeterminedо...

4

Я стал вспоминать рассказы моей матери. Она не раз говорила мне о моем детстве, младенчестве. Она всякий раз улыбалась, рассказывая о том, какой я был трудный, сложный и капризный ребенок.

Еще бы! Адский конфликт присутствовал чуть не с первых дней моей жизни. Я должен был отказаться от груди, бросить питание, чтобы не испытывать этот постоянный страх, постоянное волнение. Но я не мог этого сделать. Я не мог отказаться от груди. Мать, улыбаясь, говорила, что она бросила меня кормить грудью, когда мне было два года и два месяца.

– Это было уже неприлично, – улыбаясь, говорила мать. – Ты уже ходил, бегал, лепетал наизусть стишки. Тем не менее ни за что не хотел бросить грудь.

Мать смазывала сосок хиной, чтоб я получил, наконец, отвращение к этому способу еды. Содрогаясь от отвращения и от ужаса, что грудь таит в себе новые беды, я продолжал кормиться.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Это было понятно. Это была борьба. Она разгоралась тем сильнее, чем больше было возможности потерять то, что я защищал.

Моя бедная мать, улыбаясь, рассказывала мне о моем детстве. Но она всякий раз переставала смеяться, когда речь заходила о моих некоторых странностях.

Я не мог заснуть, если лежал в постели с матерью. Я засыпал тогда, когда был в постели один. Причем засыпал только в полной темноте. Даже свет лампадки меня раздражал. Мою кроватку завешивали одеялами.

Припоминая эти странности, мать говорила, что все это, вероятно, возникло из-за нее. Когда она меня кормила грудью, она однажды испытала необыкновенный страх, необыкновенное волнение, тревогу.

Быть может, эти чувства, говорила мать, "я всосал с ее молоком".

Летом были ужасные грозы. Эти грозы, говорила она, были почти каждый день. И вот однажды разразилась сильнейшая гроза. Молния ударила во двор нашей дачи. Была убита корова. Загорелся сарай.

Ужасный гром потряс всю нашу дачу. Это совпало с тем моментом, когда мать начала кормить меня грудью. Удар грома был так силен и неожидан, что мать, потеряв на минуту сознание, выпустила меня из рук. Я упал на постель. Но упал неловко. Повредил руку. Мать тотчас пришла в себя. Но всю ночь она не могла меня успокоить.

Можно представить новое переживание несчастного малыша. Удар грома произошел, быть может, в тот момент, когда ребенок взял сосок в свои губы. Вероятно, не без опаски ребенок прикоснулся к груди – ведь она таит в себе такие опасности: может прийти рука, может взять, унести, наказать... И вдруг адский удар грома, падение, бесчувственное тело матери. Какое новое доказательство опасности груди!

Что такое гром, гроза – это было непонятно младенцу. Ведь он впервые знакомился с миром, впервые сталкивался с вещами. Этот гром мог произойти оттого, что губы прикоснулись к груди. Кто докажет ему противное?

Мать говорила, что все лето продолжались грозы. Стало быть, удары грома могли несколько раз совпадать с моментом кормления младенца. Стало быть, условный рефлекс мог без труда утвердиться в чувствительной психике младенца, в той психике, которая уже была подготовлена к новым бедам от руки и груди.

5

Я слышал по ночам рев тигра. Этот рев напоминал отдаленные раскаты грома. Быть может, эти громовые раскаты являлись отзвуком грозы, грома, удара. Быть может, они фантастическим образом соединились в младенческом сознании с грудью матери и придали этому объекту новые необыкновенные свойства.

Пусть не улыбается читатель на эти мысли. Ведь речь идет о младенце. Речь идет о начале его жизни, когда еще отсутствует свет разума, когда нет логики, нет сознания. Речь идет о маленьком животном, которое знакомится с окружающим миром, с этим страшным миром, где на каждом шагу нужно защищаться от опасностей.

Символический образ тигра как бы соединил в себе эти опасности.

Рев тигра или льва, когда-нибудь услышанный ребенком в зоологическом саду, довершил этот символический образ.

Я открыл свои записные книжки с расчетом найти в них соответствующие записи, с надеждой увидеть следы нового поединка – борьбы с хищниками путем знаний, кои были в соответствии с моим умственным развитием.

Однако в записных книжках никаких сведений о тиграх я не обнаружил.

Ну что ж! Я в жизни не сталкивался с тиграми. Я видел их только в клетках. Я был в безопасности от них.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Но вот, разыскивая в своих записных книжках сведения о тиграх, я натолкнулся на целую серию однообразных записей.

Эти записи крайне удивили меня. Они были медицинского характера и касались, главным образом, паралича, удара, кровоизлияния в мозг.

В моих записных книжках было много медицинских справок, но справки об ударах повторялись необыкновенно часто. Тут были объяснения причин, перечисления симптомов, способы лечения и профилактики.

Было похоже на то, что я опасался кровоизлияния в мозг. Но я не полнокровен.. Скорее сухощав. И молод. Казалось бы, мне нечего было страшиться столь печального конца.

И вот, задумавшись о причинах моей осторожности, я неожиданно ассоциировал эту болезнь – удар, паралич, кровоизлияние – с ударом молнии, грома, с тем ударом, которым я был когда-то устрашен.

Неужели же это тот забытый удар грома? Неужели вместе с моим развитием он претерпел такие изменения и выродился в новое пугало?

Неожиданно я вспомнил свою книгу "Возвращенная молодость". Я писал ее еще слепой рукой. Я тогда еще не понимал многого. Мои поиски тогда были направлены главным образом на сознание. Я слишком мало уделял внимания тому, что было за порогом сознания.

Что же водило мою руку в той книге?

Эта книга была словно бы оборонительной. Я защищался от опасностей. Я приводил доказательства опасностей и указывал, как бороться с ними.

Стареющий профессор в этой повести женится на молодой девушке. Именно по этой причине профессора разбивает паралич. С ним происходит удар, кровоизлияние в мозг.

Стало быть, эта мысль – удар – неотступно следовала за мной. И я доказывал ее состоятельность. Стало быть, нервные связи по-прежнему условно соединяли два объекта устрашения.

Я не стал пока распутывать всю цепь мыслей вокруг этих "больных" предметов. Но мне стало совершенно очевидно, что четвертый условный раздражитель в сложной комбинации моего психоневроза несомненно был – удар, гром, выстрел.

6

Итак, несчастное происшествие найдено.

Маленькое бездумное существо, знакомясь с окружающим миром, ошиблось, восприняв опасными те вещи, кои не были опасны.

Вода и рука стали предметами устрашения.

Грудь и вообще еда стали доставлять ребенку волнение, страх, иногда ужас.

Конфликт возник на пороге младенческой жизни.

Поразительное стечение обстоятельств увеличило этот конфликт, подтвердило правильность страхов. Чувствительная психика младенца доказала их условную состоятельность.

Вода. Рука. Грудь. Удар.

Тигр стал символом опасности.

Между силой раздражения и ответом возникла, казалось, непонятная пропасть. Тем более непонятная, что в самом ответе лежало противоречие – отказ и одновременно стремление, страх и любовь, бегство и защита.

Четыре весьма условных раздражителя стали сопровождать ребенка по шатким путям его жизни.

Они действовали на младенца с огромной, подавляющей силой, ибо нередко они действовали сообща, почти одновременно, тесно увязанные между собой условными временными связями.

Временные связи? Да, они были бы, возможно, временными, если б они возникли в примитивной психике собаки. Вероятно, они были бы разорваны и погасли, если б ум оставался неизменным. Но ум изменялся, росло сознание, и вместе с этим изменялись и перестраивались доказательства опасности. Взаимодействие было тесным – доказательства были также весьма условные.

Однако, казалось бы, эта рука могла быть пугалом только лишь в детском возрасте. Нет! Образное мышление возвысило эту руку до символа. Рука стала карающей рукой, воображаемой, символической. Этот символ был вровень умственному развитию человека.

За что же стала карать эта рука?

Она стала карать именно за то, за что карала она в младенческой жизни, – за еду, грудь.

Условные доказательства – подлинные, логичные и вместе с тем условные – всюду следовали за едой!

Когда-то мать смазала сосок хиной, чтоб ребёнок не стремился к груди. Еда показалась отравой, ядом. Это подтвердилось. Еда нередко несла отраву, боль, болезни.

Когда-то гром, удар, совпал с кормлением. И это имело подтверждение. Еда, дескать, создает полнокровие – способствует удару, кровоизлиянию в мозг.

Значит, надо избегать еды? Но избегать ее нельзя. Тогда – смерть.

В таком случае, как же надо поступать? Надо есть и страдать за еду. Должно быть, это норма.

Я вспомнил, как я ел. Почти всегда стоя, крайне торопливо (могут отнять), небрежно, без интереса. Я ожидал за еду расплаты, и она являлась, эта расплата, – болезни, спазмы, тошнота.

Я глотал порошки, чтоб нейтрализовать эту опасность от еды. Мне казалось – наука, медицина избавят меня от этой опасности.

В огромном количестве я поглощал лекарства, отравляя себя этим еще больше.

Однако финал был печальный, гибельный. Я перестал есть. Должно быть, обилие условных доказательств уверило меня в смертельной опасности еды.

Этот отказ от еды дважды возникал в моей жизни. И я не понимал, откуда он происходит. И только теперь картина становилась ясной, отчетливой, страшной. Условные нервные связи действовали с нарастающей силой.

7

Карающая рука наказывала за еду. Но грудь матери была едой только лишь в младенческом возрасте. В дальнейшем грудь матери стала олицетворять женщину, женское начало вообще.

Значит, и за образом женщины мне рисовалась карающая рука? Значит, в одинаковой мере я должен был страшиться женщины, избегать ее, ждать расплаты, наказания?

С трепетом я перелистал свои воспоминания. С трепетом вспомнил мою юношескую жизнь. Мои первые шаги. Мои первые любовные встречи. Да, нет сомнения – я избегал женщины. Я избегал и одновременно стремился к ней. Я стремился к ней,

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
чтоб бежать от нее, устрaшенный ожидаемой расплатой.

Сцены из младенческой жизни разыгрывались в мои взрослые годы.

Но ведь я не всегда избегал? Да, не всегда. Не каждая женщина страшила меня. Меня страшило то, что страшило младенца.

Но чего именно я страшился, будучи взрослым? Какой расплаты я ждал? Какие огорчения сулила мне женщина?

Я вспомнил сцену убийства, виденную мной в детстве ("Выстрел"). Муж застрелил любовника своей жены. Карающая рука, вооруженная громом, ударом, выстрелом, расплатилась за женщину, которая почти нагая прибежала к нам на веранду.

Разве это не доказательство опасности женщины? Разве не следует за ней по пятам – выстрел, удар, нож?

Я вспомнил девушку, которая бросилась в воду из-за любви. Я вспомнил дядю Георгия, который заболел чахоткой из-за того, что он (мама сказала) любил много женщин.

Я вспомнил книги, в которых описывались убийства из-за любви, ужасные казни, отравления, поединки.

Условные доказательства смертельной опасности всюду следовали за любовью, за женщиной.

Карающая рука – мужа, брата, отца – сопровождала этот образ.

Выстрел, удар, чахотка, болезни, трагедии – вот расплата за любовь, за женщину, за то, что не позволено.

Нечто подлинное присутствовало в этих доказательствах. Логика не была поколеблена. Условность казалась истиной. Тем не менее, восприятие было болезненным, условным. Сила ощущения и сила ответа не соответствовали раздражению.

Необычайная картина стала раскрываться перед моим взором.

В одно мгновение я вдруг понял все, что не понимал. В одно мгновение увидел себя таким, как я был, – темным, маленьким дикарем, устрaшенным каждой тенью. Затаив дыхание, озираясь, прислушиваясь к рычанию тигров, я шел и бежал сквозь заросли леса. И что могло быть у меня в сердце, кроме тоски и усталости!

Нет, меня не взволновало то, что я вдруг увидел, понял. Меня это ужаснуло, потрясло, ввергло в отчаяние.

Я вспомнил чьи-то слова:

"О мои горькие опыты! И зачем я захотел все знать.

Вот теперь я не умру так спокойно, как надеялся".

Но это была минутная слабость, минутное отчаяние. Оно возникло от стыда, что я раньше ничего не знал, что я раньше не догадывался – какая чушь, какой вздор сжимает меня в своих объятьях.

С холодным рассудком я продолжал додумывать тягостные последствия моего несчастного происшествия.

8

Я вспомнил историю о том, как впервые у меня возник сердечный припадок ("Финал"). Что произошло тогда? Выла вечеринка, банкет. Сестра милосердия Клава повела меня в свою комнату. Мы там целовались. Потом я уехал в деревню, в полк. Лег в постель под утро, часов, вероятно, в пять. А в шесть часов первые бомбы упали на деревню.

Я с точностью помню. Я засыпал с воспоминаниями об этой женщине. И едва я заснул, как страшный взрыв бомбы потряс дом.

Мой мозг, быть может, в то утро ослабленный алкоголем, воспринял этот удар как должное. Ожили давние инфантильные представления. Надо было избежать дальнейших "ударов", дальнейших встреч с этой женщиной.

Я почувствовал себя плохо. Я стал задыхаться. Ответ организма был невротическим, бурным. И вместе с тем целесообразным – я покинул "опасные" места, разорвал опасную связь.

Нет, долг и совесть не были забыты. Я уехал, чтоб вылечить сердце, чтоб снова вернуться в строй. Я уехал именно с этим твердым намерением.

Я вспомнил историю о том, как я заболел в последний раз ("В Туапсе").

Что случилось тогда? Я сидел в шезлонге на палубе теплохода. Я прекрасно себя чувствовал. Я с радостью думал о том, что встречу в Москве друзей и женщину, которая любила меня и которая мне нравилась.

Я с точностью вспомнил, как не без огорчения я подумал об ее муже. Я симпатизировал ему. И мне было совестно его обманывать. Он очень любил меня. Он был очень добр ко мне. Казалось, он даже снисходительно относился к моему "роману" с его женой. Что же в этом случае устало меня? Маленький револьвер, который был на его поясе? Ни разу такая мысль не мелькала в моей голове.

Но, может быть, она возникла в темных подвалах моей психики?

Я сидел в шезлонге и любовался морем. Я пристально смотрел на поверхность воды. Быть может, за порогом сознания возникли давние ассоциации, давние связи с водой, рукой, женщиной.

В жалкой гостинице Туапсе я валялся на полу. Я с точностью помню, как я встал с постели и перешел на пол. Я перешел в тот момент, когда раздался удар грома и началась гроза. Быть может, я хотел избежать кровати, на которой когда-то разыгралась младенческая драма? Иначе ничем не объяснить этот дикий, нелепый переход. Не разрывая связей, я уходил от своих связей, бежал от них.

9

Значит, младенческие сцены разыгрывались с той огромной силой, какая может поражать. Но ведь я же был в полном сознании? Да, я был в полном сознании. Но мое сознание не знало, откуда возникают беды. Оно не корректировало поступков, ибо не понимало их. Я был в полном подчинении у своих страхов, о присутствии которых я не имел понятия. Мое сознание не видело этих страхов. Оно лишь видело искаженные симптомы этих страхов. Они казались болезнью, симптомами тех болезней, которые я терпел.

Этот болезненный ответ, возник тогда с такой бурной силой, ибо все четыре раздражителя предстали передо мной почти одновременно.

В этом ответе лежала целесообразность. Я хотел из Туапсе выехать в Москву, но мое тяжелое состояние и в особенности сердечные припадки [2] преградили путь. Я отказался от поездки в Москву. Я вернулся домой.

Это было бегство – самый простой, вульгарный оборонный рефлекс.

Это было бегство и притворство.

Но я, повторяю, не всякий раз бежал и не всякий раз притворялся больным. Я бежал и притворялся только тогда, когда в той или иной степени сталкивался с "больными" предметами.

Я вспомнил один удивительный случай. Даже теперь, пятнадцать лет спустя, краска заливает мое лицо.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Я шел под руку с одной женщиной. В Петергофе. Мы вышли к морю. Неожиданно я почувствовал себя плохо. Казалось – сердце останавливается. Я стал задыхаться.

Моя спутница была напугана силой моего припадка. Она хотела мне помочь. Но я просил ее уйти, оставить меня одного, говоря, что мне обычно легче, когда я остаюсь один. Не без обиды она ушла и спустя два дня с необычайной жестокостью сказала мне, что я нарочно разыграл сердечный припадок, чтоб расстаться с ней, чтоб бросить ее.

Я был возмущен, поражен ее низостью. Я поссорился с ней.

И вот только теперь я понял, что она была права.

Нет сомнения, я "разыграл" этот припадок, притворился больным. Но я понятия не имел, что это так.

Я вспоминаю Надю В., о которой так много писал в своих воспоминаниях.

Значит, я бежал от нее? Этого не может быть. Я ее любил. Это вздор.

Нет, это не было вздором. Я действительно бежал от нее.

10

Нет, я не в силах больше описывать мою жизнь. И не только потому, что мне грустно вспоминать об этом. Мне досадно, унижительно признаваться, что такой вздор сжимал меня в своих объятиях.

Я отсылаю читателя к моим скудным воспоминаниям. К моим маленьким рассказам о моей жизни. Теперь эти рассказы освещены иным светом. Теперь в них можно увидеть почти все.

В них можно увидеть четыре условных раздражителя, кои действовали на меня с огромной, подавляющей силой.

В них можно увидеть мой неосознанный страх. Можно увидеть защиту, притворство, бегство. И ту горечь, которой была помрачена моя жизнь.

И то отношение к женщинам, которое было ими не заслужено.

Какую горькую и печальную жизнь я испытал!

Какое закрытое сердце надо было раскрыть заново!

Опасные связи

Страшишься ты раздвоенного жала

Ничтожного червя...

1

Значит, это был сексуальный психоневроз?

Нет, это не был сексуальный психоневроз, но в сложную комбинацию психоневроза вошли и сексуальные мотивы. Однако они вошли тогда и в той степени, как это соответствовало росту и развитию человека.

В первоисточнике психоневроза эти сексуальные мотивы отсутствовали.

Мы видели, как возникали механизмы психоневроза. Они возникали по принципу условных рефлексов. Условные нервные связи соединяли четыре "больных предмета". Одним из этих "предметов" была грудь матери. Но это была грудь – питание, еда. Этот объект был увязан с чувством голода, а не эроса. Потеря объекта, казалось, несет гибель, уничтожение младенцу. Борьба и душевный конфликт не выходили за пределы инстинкта самосохранения.

Фрейд считает, что все наши импульсы сводятся к сексуальным влечениям, что в основе наших чувств, и даже в основе чувств младенца, лежит эрос. Но данный пример, как и множество других, говорит иное. В механизмах этого психоневроза отсутствует сексуальное. И только лишь дальнейшее развитие ребенка внесло этот мотив.

Пусть этот мотив возник в детстве, но в момент возникновения условных механизмов его еще не было.

Страх и душевный конфликт ребенка возникли на основе более грубых, материальных, вещественных причин. Предметы, в условном значении которых младенец ошибся, – вот что явилось источником психоневроза и вот что создало страх и потерю радости.

Радость утоления голода стала сопровождаться страхом. Условные нервные связи соединили эту радость с бедой. Именно эта условная связь уничтожала радость и несла кастрацию.

Чувство голода и страх потерять питание – вот что за порогом сознания нашло живейший отклик и весьма подготовленную почву.

Наш бессознательный мир сформирован не только биологической сущностью. Нет сомнения, этот мир постоянно испытывал и испытывает иные давления, давления извне. Борьба за существование, добывание пищи, труд – вот что с огромной силой влияет на подсознание.

Именно в этой области возникают страхи – страх потерять питание, страх погибнуть, страх лишиться еды...

Стало быть, далеко не все наши импульсы сводятся к сексуальным влечениям. Страхи, возникшие на основе социальных мотивов, не менее действенны. Они могут иной раз даже главенствовать в глубинах нашего подсознания. И уж во всяком случае они в большей степени готовят почву болезненным представлениям.

Бессознательный мир – это более обширный и более разнообразный мир, чем тот мир, который можно вообразить, имея в виду только лишь сексуальные импульсы. Нет сомнения, в этом мире с огромной силой действуют и сексуальные мотивы. Но они далеко не единственны. И патологические торможения в сексуальной сфере являются лишь составной частью патологических торможений, характеризующих психоневроз.

Механизмы головного мозга, открытые Павловым, подтверждают это с математической точностью.

2

Не учитывая законов условных рефлексов, нельзя обнаружить и точных причин нервных страданий.

Не учитывая возникших механизмов, Фрейд и в норме и в патологии видел действия иных сил – конфликт высшего с низшим, столкновение атавистических влечений с чувством современного цивилизованного человека.

В запрете этих влечений Фрейд увидел причину психоневроза.

Но ведь запрет этих животных влечений и вся борьба в этой сфере – есть всего лишь нравственная категория. Она должна вести теорию к поискам нравственных страданий.

Именно так и получилось. И больше того. Столкнувшись с иными силами, несексуального порядка, теория стала подчинять эти силы силам сексуального характера. Даже в чувстве голода теория увидела эрос. В страхе потерять питание теория обнаружила страх кастрации.

Теория вынуждена была это сделать. Иначе "не сходились концы", не оправдывалась основная идеалистическая формулировка.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Теория замкнулась в поисках сексуальных страданий. Я вовсе не отвергаю их огромную силу, их значение и действенность в течении психоневроза. Я подозреваю максимум бед за этими силами. Но было бы неверно увидеть всю беду только в этом.

С этой ошибкой я столкнулся на первом же практическом уроке. Врач-фрейдист не понял значения руки, которую ребенок увидел во сне. Ему показалось, что ребенок ассоциировал руку с хоботом слона. И что хобот – это будто бы фаллос.

Рука нищего, рука вора, отнимающая питание, лапа хищника, зверя, тигра превратилась в сказочный атрибут, вовсе не опасный, не страшный и уж во всяком случае непонятный младенцу.

Этот пример говорит о том, как теория пробует все подчинить сексуальному. Ошибка обнаруживается здесь с поразительной ясностью.

Но ведь практика утверждает, что психоанализ по методу Фрейда излечивает. Нет сомнения – может подчас излечивать. Всякое знание в этой области, любой, даже приблизительный, контроль разума над низшими силами приносит облегчение.

Свет логики изгоняет или оттесняет эти силы.

Психоанализ Фрейда, столь тщательно разработанный, должен излечивать в тех случаях, когда имеют место сексуальные раздражители. Вернее, в тех случаях, когда первоначальные условные раздражители превратились в условные сексуальные раздражители.

Но можно подозревать, что это излечение не будет полным, вернее, окончательным. Ибо врач и больной все время сталкиваются с нравственными категориями и сквозь них не видят механизмов, которые нужно исправить. Не видят нервных связей, которые нужно разорвать.

Эти условные нервные связи продолжают существовать и действовать. Это сулит возврат к болезни и, видимо, огромную сопротивляемость.

Вся суть излечения состоит в том, чтобы найти эти связи и разорвать их, разъединить объекты устрашения, показать их истинную ничтожную сущность.

3

Итак, за порогом сознания оказался обширный малоисследованный мир, низший мир, мир животного.

Первые впечатления младенца с огромной силой вошли и задержались в нем. Они оказались ошибочными, неверными. И в силу этого они определили болезнь, создали конфликт, затормозили развитие и усложнили поведение и характер.

Умственное развитие не исправило ошибок. Напротив, оно усугубило их, доказало логичность и возвело "больные" предметы в символы.

Условные связи продолжали существовать. Условные доказательства – ложные и подлинные – продолжали питать и укреплять нервные связи.

Это была болезнь, болезнь против логики, против здравого смысла. Это был психоневроз, обнаружить который поначалу было не так-то просто.

Поведение человека в основном оставалось разумным. Поступки ничем не отличались от поступков нормального, здорового человека. Силы иного порядка – общественные, социальные – воздействовали в первую очередь и определяли характер поведения. И только иной раз в поступках обнаруживалось какое-то "чужачество", какая-то странность.

Это чужачество в особенности было заметным в мелочах повседневной жизни.

На кровати было удобней спать, но я чаще спал на диване.

Удобней было есть за столом. Но я ел стоя, торопливо, иной раз на ходу. Стоя и торопливо мылся в ванне. Тщательно закрывал двери моей комнаты, страшась

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru
неизвестно чего.

Я делал десятки странных поступков. Они казались вздорными, нелогичными. Но в них была своя железная логика, логика человека, который желает избежать встречи с "больными" предметами. Только лишь в этих встречах можно было обнаружить болезнь.

Быть может, в дальнейшем по странным поступкам человека, по его чудачествам врачи будут восстанавливать картину его болезни, будут находить истоки его бреда. Быть может, это будет проще, чем искать причину в снах. Ибо все поступки "чудака" инфантильны, и они почти в точности воспроизводят сцены из младенческой жизни.

Был период, когда меня страшила улица. Я стал избегать ее. Перестал ходить пешком. Поначалу это казалось чудачеством. Однако за этим чудачеством лежала "целесообразность". Дома меньше опасности. На улице – коровы, собаки, мальчишки, которые могут побить. На улице можно заблудиться. Можно потеряться, исчезнуть. Могут украсть цыгане, трубочисты. Могут задавить экипажи, машины. Вне дома – вода, война, газы, бомбы, самолеты...

Нервные связи соединяли улицу с десятками бед.

Условные доказательства опасности улицы были многочисленны. Улица и опасность стали тождественны. Связь между ними неразрывна. Обилие доказательств привело к финалу – страх и желание избежать улицы. Именно на улице я впервые испытал страх.

4

Улица несла с собой доказательства опасности. Условные нервные связи соединяли и женщину с множеством бед.

Борьба и противоречия в области чувств здесь были еще более велики. Но и борьба и противоречия отнюдь не шли по нравственным путям.

Фрейд считает, что в женщине мы видим обычно мать или сестру. И вот причина запретов и торможения. Цивилизация и мораль – вот, дескать, беды, которые приводят человека к страданиям. Нет сомнения, что первые впечатления ребенка, первые возникшие ощущения могут относиться к матери и сестре. Это естественно. Но конфликт создает не только эта нравственная категория и не только страх наказания, конфликт возникает при встрече с "больными" предметами. Больные предметы олицетворяют мать и в дальнейшем женщину. Не эрос и в связи с этим нравственная борьба несет торможение. Торможение возникает от страха, который условно связан с больными предметами. [3]

Не эдипов комплекс, а нечто более простое и примитивное присутствует в наших бессознательных решениях.

Нет сомнения – нравственная борьба существует, и она может быть велика, но не она создает болезненный конфликт, не только она определяет характер болезни, характер поведения.

Условные связи и условные доказательства опасности – вот что определяет дело. Обилие и точность условных доказательств – вот что создает и усугубляет болезнь.

Причем, достигая максимума, эти доказательства заставляют полностью отказаться от встречи с "больными" вещами.

Вот почему катастрофа чаще всего происходит не в юношеские годы, она приходит в зрелом возрасте: в 35–40 лет. До этого человек как-то обходится, маневрирует, избегая больных предметов: они еще не в полной мере устрашили его.

Но обилие "доказательств" лишает последних надежд.

Как известно при склерозе откладывается в наших артериях и ломает их, так и эти доказательства, откладываясь и нагромождаясь в нашей психике, устрашают нас, изолируют от жизни, омертвляют ткани, кастрируют и ведут к гибели.

Вот где, быть может, одна из причин раннего увядания, ранней смерти, дряхлости.

5

Нет сомнения, это был весьма тяжелый случай психоневроза. Задеты были главные артерии, по которым струилась жизнь.

Еда и любовь, вода и карающая рука предопределяли печальнейший финал. Гибель была, казалось, неизбежна. Гибель от холода, страха и, может быть, даже от жажды. Страх наказания и мания преследования могли иметь место в финале.

Этот финал легко было назвать психической болезнью. Между тем, это был всего лишь бурный ответ (верней: комплекс ответов) на условные раздражители. Причем ответ целесообразный с точки зрения бессознательной животной психики. В основе этого ответа лежал оборонный рефлекс. В основе ответа была защита от опасности...

Разум не контролировал этот ответ. Логика была нарушена. И страх действовал в губительной степени.

Этот страх цепко держал меня в своих объятиях. И он не сразу оставил меня. Он сжимал меня тем сильнее, чем глубже я проникал в тот поразительный мир, законы которого я так долго не мог понять.

Но я проник за порог этого мира. Свет моего разума осветил ужасные тучи, где таились страхи, где находили себе пристанище варварские силы, столь помрачавшие мою жизнь.

Эти силы не отступали, когда я вплотную подошел к ним. Они приняли бой. Но этот бой был уже неравный. Я раньше терпел поражения в темноте. Не зная, с кем я борюсь, не понимая, как я должен бороться. Но теперь, когда солнце осветило место поединка, я увидел жалкую и варварскую морду моего врага. Я увидел наивные его уловки. Я услышал воинственные его крики, которые меня так устрашали раньше. Но теперь, когда я научился языку врага, эти крики перестали меня страшить.

И тогда шаг за шагом я стал теснить моего противника. И он, отступая, находил в себе силы бороться, делая судорожные попытки остаться, жить, действовать.

Однако мое сознание контролировало его действия. Уже с легкостью я парировал его удары. Уже с улыбкой я встречал его сопротивление.

И тогда объятия страха стали ослабевать. И наконец прекратились. Враг бежал.

Но что стоила мне эта борьба!

Я валялся в постели. Мое оружие – бумага и – карандаш – лежало рядом со мной. И у меня иной раз не было даже силы поднять мою руку, чтобы взять их снова.

Казалось, жизнь оставляет меня.

Как сказано у Гете:

Кто хочет что-нибудь живое изучать,
Всегда его сперва он убивает.

Я был убит, растерзан, искромсан, с тем чтоб снова возникнуть из праха.

Я лежал почти бездыханный, ожидая, что вот еще раз вернется мой противник, и тогда все будет кончено. Но он не вернулся.

По временам появлялись привычные симптомы, но они не сопровождались страхом.

Жизнь стала возвращаться ко мне. И она возвращалась с такой быстротой и с такой силой, что я был поражен и даже растерян.

Я поднялся с постели уже не тем, кем я был. Необыкновенно здоровый, сильный, с

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
огромной радостью в сердце, я встал с моей постели.

Каждый час, каждая минута моей жизни наполнялись каким-то восторгом, счастьем, ликованием.

Я не знал этого раньше.

Моя голова стала необыкновенно ясной, сердце было раскрыто, воля свободна.

Почти потрясенный, я следил за каждым моим движением, поступком, желанием. Все было крайне ново, удивительно, странно.

Я впервые почувствовал вкус еды, запах хлеба. Я впервые понял, что такое сон, спокойствие, отдых.

Я почти заметался, не зная, куда мне девать мои варварские силы, столь непривычные для меня, столь не скованные цепями.

Как танк, двинулся я по полям моей жизни, с легкостью преодолевая все препятствия, все преграды.

Я чуть было не натворил много бед, не соразмеряя своих новых шагов и поступков.

И тогда я задумался над своей новой жизнью. И она показалась мне не столь привлекательной, как вначале. Мне показалось, что я стал людям приносить больше горя, чем раньше, когда я был скованный, слабый. Да, это было так.

И новая печаль мне сжала грудь –
Мне стало жаль моих покинутых цепей.

Передо мной был выбор – вернуться назад, не закрепив завоеванного, или идти дальше. Или отдать свои новые силы искусству – тому, чем я раньше был занят по необходимости, не умея в полной мере реализовать своих чувств иначе как на бумаге.

Но теперь мой разум был свободен. Я волен был распоряжаться, как хочу.

Я вновь взял то, что держал в своих руках, – искусство. Но я взял его уже не дрожащими руками, и не с отчаянием в сердце, и не с печалью во взоре.

Необыкновенная дорога расстилалась передо мной. По ней я иду вот уже много лет. И много лет я не знаю, что такое хандра, меланхолия, тоска. Я забыл, какого они цвета.

Оговорюсь – я не испытываю беспричинной тоски. Но что такое дурное настроение, я, конечно, и теперь знаю – оно зависит от причин, возникающих извне,

6

Однако отчего же пришло излечение? Какие механизмы были исправлены? Почему давние страхи простились с моей особой?

Они простились со мной только лишь потому, что свет моего разума осветил нелогичность их существования.

Эти страхи были увязаны с теми объектами, кои не были опасны в той мере, как это воспринял младенец.

Разорвать эту неверную, условную, нелогичную связь – вот в чем была задача.

Я разорвал эти связи. Разъединил подлинные беды от условных объектов устрашения. Придал этим объектам устрашения их истинное значение. И в этом и заключалось излечение. Отсутствие логики лечилось логикой.

Однако разорвать эти условные нервные связи не всегда было простым делом. Некоторые связи были необычайно сложны, запутанны, противоречивы. Кое-что было

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
столь абсурдным, даже комичным, что, казалось, не может иметь значения. Но тут всякий раз нужно было учитывать позицию младенца, нужно было видеть его глазами, мыслить его образами, страшиться его страхами.

Гром, вода и рука варьировались на разные лады. Нервные связи от этих предметов иной раз тянулись к другим объектам. Воображаемые опасности от этих объектов были иной раз смехотворны. И тем не менее, несмотря на смехотворность этих опасностей, страхи уживались и действовали на протяжении всей жизни.

Карающая рука в равной мере относилась и к еде, и к женщине, и к работе. И ко всему моему поведению. Удар, выстрел, кровоизлияние в мозг – вот ожидаемая расплата. И сила ощущения здесь явно не соответствовала раздражению.

Я уже однажды рассказывал сон о том, как вода заполнила мою комнату, как она выступила из всех щелей пола и стала подниматься и для меня возникла угроза гибели. Даже и в этом нелепом сне надлежало увидеть страх младенца и последствия этого страха, его условную символику. Я не считаю возможным перечислять здесь все, с чем я столкнулся. Эта книга – не лечебник...

Однако в отношении условных связей необходимо сказать следующее. Разрывая эти условные нервные связи, я всякий раз поражался, недоумевал – как они могли существовать, как могли они действовать. Но они действовали, и в той степени, в какой это было губительно для существования. И тут всякий раз нужен был "разговор с собакой", чтоб уничтожить их.

Я разорвал и уничтожил эти условные связи, принесшие мне столь много бед.

И, разорвав условные связи, я освободился от заторможения, от того патологического заторможения, которое всякий раз возникало при встрече с "больными" предметами.

В основе этого заторможения лежал обыкновенный оборонный рефлекс.

Я не могу сказать, что этот рефлекс исчез полностью. Некоторые симптомы механического порядка остались. Но логика их полностью обезвредила – они перестали сопровождаться страхом. И в силу этого они стали постепенно угасать...

7

Моему знакомому физиологу я обещал не делать в своей работе никаких обобщений.

Я запомнил предостережение его – ничего не обещать людям.

Ну что ж! Ведь я говорю только лишь о своей жизни, о своих печальных днях и о днях освобождения.

Я не выхожу за пределы моей болезни, которую мне удалось убрать.

Однако, нет сомнения, люди, имеющие мои свойства, мою чувствительную психику, могут терпеть подобные же бедствия. И тут, мне думается, можно сделать некоторое обобщение – в пределах тех болезней, которые обобщаются названием "психоневроз".

Однако, если наука не согласится со мной или "найдет мое обобщение слишком смелым, то я и не буду на нем настаивать.

Значит, подумал я, моя болезнь была в некотором роде исключительной. И аллах помог мне унести ноги вопреки существующим правилам, по которым мне надлежало закончить мой бренный земной путь столь плачевным образом.

И еще одно обобщение я вынужден сделать. Законы условных связей относятся ко всем людям. Не в одинаковой мере, но в той или иной степени они опасны даже и тем людям, кои не имеют моей чувствительной психики.

Эти условные связи опасны всем людям, разум которых не контролирует их. Я вспомнил одну необыкновенную историю. И вслед за ней я вспомнил еще целый ряд историй. И некоторые из них я вам расскажу.

История молодой женщины

Равнодушным тоном, не повышая голоса, молодая женщина рассказывает мне о своем горе.

Она хотела иметь ребенка. Она и муж были бы тогда счастливы. Только в ребенке они видят полное воплощение их любви.

Но рок преследует ее. Она беременна в третий раз. И в третий раз ей, видимо, не придется рожать. Беременность "проходит крайне неправильно и с такими болезненными явлениями, что врачи снова настаивают на аборте. В третий раз ей придется лечь на операционный стол.

Я смотрю на измученное, необыкновенно усталое лицо молодой женщины. Слезы, вероятно, выплаканы раньше. Осталось – равнодушие, покорность, почти безразличие. И только по судорожно сжатым рукам я вижу внутреннее ее смятение, ад и неравную борьбу, которая кончится поражением.

Я немного поражен силой ее горя.

Мне вдруг показалось, что реакция на это горе не соответствует его истинным размерам.

И тогда я спросил женщину – не была ли связана ее первая беременность с каким-нибудь огорчением.

– Нет, – сказала женщина, спокойно посмотрев на меня.

Потом, смутившись и покраснев, женщина сказала:

– Первая беременность? Самая первая? Но ведь она была не теперь, не при муже.

Необыкновенно смущаясь, женщина сказала, что в первый раз она была беременна, когда ей было 17 лет. Она была ученицей. Ей пришлось скрывать эту беременность от родителей, от школы. Она скрывала это до последнего месяца. Потом она уехала за город к подруге и там родила мертвого ребенка. Она совсем забыла об этом, и вот почему она сказала, что огорчений не было. Конечно, были. И огромные.

Тотчас все стало ясным. Она скрывала свою беременность, ужасалась этому, страшилась, отчаивалась. Протест ее был велик, горе необыкновенно. Беременность и горе связались воедино, стали тождественны.

Условный рефлекс остался. Нервные связи не были порваны даже тогда, когда изменилась обстановка. Мозг не отметил перемену в судьбе. Новая беременность вновь была воспринята как горе. Ответ организма был бурным.

Еще ничего я не сказал женщине, но уже сама она вдруг поняла, что с ней. Заламывая руки, она сказала:

– Неужели это так? Неужели это идет оттуда?

Я сказал женщине:

– Да, это так. Вам надо разорвать эти условные связи. Надо разъединить прошлое от настоящего. Надо контролировать свои поступки и свое состояние.

Смятение, а потом торжество я прочитал на лице этой женщины.

Через неделю она мне звонила, что ей лучше. Через месяц она сказала, что ей почти хорошо и она будет рожать ребенка.

Она действительно родила благополучно.

История молодого человека

Весьма красивый молодой человек вошел в мою комнату.

Он был высокий, здоровый, даже цветущий. Однако в глазах его было что-то удивительно печальное. Какое-то горе я прочел в его взоре. Темные, почти черные тени лежали под глазами.

Он сказал:

- Выслушайте меня. Я знаю, что вы не врач. Но мне почему-то кажется, что вы можете мне помочь.

Со всей откровенностью я сказал, что я сам едва справился со своими бедами и категорически отказываюсь разбираться в чужих недомоганиях.

Тогда он заплакал. Я не преувеличиваю. Слезы обильно потекли из его глаз. И как-то по-детски он стал вытирать их руками.

В этом его жесте было что-то крайне инфантильное, ребяческое.

Желая утешить его, я просил рассказать, что с ним.

Обстоятельно он стал рассказывать о своей болезни. У него невроз желудка, и в такой степени, что он вынужден все больше изолироваться от людей. Он лечится давно; ездит на курорты. Но улучшения нет. Напротив, ему хуже. Он несчастен. Он избегает общества. Он потерял все радости жизни. Тошнота, рвота, спазмы желудка и кишечника – вот его печальный удел.

Я спросил – был ли произведен анализ.

Молодой человек сказал:

- Да. Найдена была излишняя кислотность. Диагноз – невроз желудка в тяжелой форме.

Я спросил:

- Когда усиливаются ваши припадки? При каких обстоятельствах?

- Они усиливаются, – сказал он, – на людях, в обществе.

- А дома бывают эти припадки?

- Дома очень редко.

- А когда? Когда вы кого-нибудь ждете? Женщину?

Он молча кивнул головой. И я стал задавать ему вопросы, извинившись, что вмешиваюсь в его интимную жизнь.

Бледнея и краснея, он отвечал.

Потом я стал расспрашивать об его детстве. Он мало помнил о нем. Но вдруг рассказал историю, которую он слышал от своей матери. Мать однажды заснула, когда он был у ее груди. Она очнулась от дремоты, когда ребенок был почти синий. С трудом его вернули к жизни.

Я не стал больше расспрашивать молодого человека. Нервные связи были весьма явственны. Ответ организма был очевиден. Желание избежать гибели лежало в инфантильном ответе. Условные связи не были порваны.

Однако необходим был тщательный последовательный анализ. Я написал записку с моим заключением и направил молодого человека к врачу.

Пресыщение

В дни моей юности я встретил одну удивительную женщину.

Она была необыкновенно привлекательной. Но казалось, что она была "создана

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
только для любви и ни для чего больше.

Все ее помыслы и намерения были направлены на любовь. Ничто иное ее не интересовало и не трогало. Она была как бы сконцентрирована только лишь в одном направлении.

Нечто бурное было в ее темпераменте. Как метеор, она неслась сквозь чужие жизни.

Многие мужчины, с которыми она встречалась, были опалены ее страстью.

Некоторые из них погибли из-за любви к ней. Один повесился в подъезде ее дома. Другой стрелял в нее. И она была ранена. Третий едва не задушил ее. Четвертый растратил ради нее огромные деньги и был судим и выслан.

Несчастный ее муж не имел силы ее бросить. Пораженный, он смотрел на ее связи. Прощал ей все ее прегрешения. Он считал ее необыкновенной, единственной. Он не видел в ее поведении распутства. Он полагал, что это ее норма.

Когда он узнал, что я встречаюсь с ней, он пришел ко мне и молча положил листок бумаги на мой стол – это был список ее любовников. Этим он предостерегал меня от нее. Этим он хотел сохранить ее для себя.

Нет, она не принесла мне несчастья. В те годы, в годы моей меланхолии, казалось, ничто не трогает меня.

Почти равнодушный я расстался с ней, и она была обижена тем, что я не повесился и даже не заплакал. И даже был, кажется, рад.

Она уехала на Урал. И оттуда на Дальний Восток. И я одиннадцать лет ее не видел.

И вот однажды я встретил ее на улице. Оказывается, она давно уже вернулась в свой родной город. Ну что ж, нет ничего удивительного в том, что я ничего не слышал о ней, – она живет весьма тихо, нигде не бывает. Ей все надоело – и люди и чувства.

Я внимательно взглянул на нее. Нет, она была по-прежнему привлекательна. Ее бурная жизнь не отразилась на ее внешности. Мне даже показалось, что она стала красивей, чем раньше. Но вместе с тем – какая чудовищная перемена произошла с ней!

Она стала медлительной, вялой, безразличной. Усталость и апатия были во всем ее облике. Глаза ее были погашены. Но ведь ей тридцать лет. Как это могло случиться?

– Все надоело? – спросил я ее. – Никого не любите?

Пожав плечами, она сказала:

– Никого. Все надоело. Кроме отвращения, я не испытываю никаких чувств.

– Это пресыщение?

– Должно быть, – сказала она. И глаза ее затуманились необыкновенной грустью.

– Что-нибудь случилось, произошло за эти годы?

– Нет, – сказала она. – Ничего не произошло. Все то же самое, что и было...

– Да, но было немало, – сказал я. – Были драмы, скандалы, стрельба, аборт три раза в год...

Усмехнувшись,, она сказала:

– Конечно, раз это приносит только огорчение, то на что мне это.

И вдруг в этом ее ответе, сказанном простодушно, необдуманно, я увидел все, увидел причину ее "пресыщения".

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Все время и непрестанно ее любовь, ее желания были связаны с несчастьями. Когда-нибудь должен прийти конец? И он пришел. Любовь и несчастье стали тождественны. Условные связи прочно соединили их воедино. Пусть лучше не будет желаний, чем снова беда.

Я снова взглянул на молодую женщину. Я было начал ей говорить о причинах ее несчастья. Но замолчал. И не потому, что она не поняла бы меня. Нет, мне показалось, что ей лучше остаться такой, как сейчас.

Мы стали прощаться. Она протянула свою вялую руку. Безразличным взором скользнула по мне. И, медленно шагая, побрела по улице.

Мне стало жаль ее. Я хотел ей крикнуть, задержать ее, чтоб сказать, что с ней. Но не сделал этого.

Пусть она останется такой, как сейчас, подумал я.

8

Нет, теперь я добродушно взираю на все, что вокруг меня происходит, - я не имею привычки анализировать чужие поступки и не вижу особой радости разбираться в чужих делах. Я живу так, как надлежит жить человеку: в меру думая и не делая из своей головы аппарата по розыску чужих бед.

Но первые годы, столкнувшись с этими делами, я наблюдал за людьми с огромным интересом и волнением.

Меня особенно волновали те болезненные "ответы" людей, которые происходили вне контроля разума. Эти ответы были иной раз столь чудовищны и нелепы, что казалось непонятно их значение. Но, подумав, я всякий раз убеждался в целесообразности этих ответов. Конечно, с точки зрения здравого смысла эта целесообразность была нелепой. Но я тотчас находил в ней смысл, если переводил эту нелепость на язык животного или младенца.

В любом поведении невротика и даже иной раз в его смерти было бегство, было желание уйти от "больных" предметов, было бессилие разорвать условные связи.

Я расскажу вам несколько поразительных историй. Они подлинные.

Неожиданный финал

В мою комнату вошла студентка. Она была весьма молодая, миловидная женщина.

Она сдавала последние экзамены. И ей понадобился материал о моей литературной работе.

Она беседовала со мной почти не поднимая глаз. Но в конце беседы она осмелела. И даже стала со мной кокетничать.

Уже все было сказано, и надо было уходить, но она не уходила.

Потом она ушла, взяв разрешение прийти завтра, чтоб посоветоваться о своей работе.

Она пришла на другой день. И была немного печальна. Она стала говорить, что она замужем за студентом, что у них маленький ребенок. Только ребенок и учеба наполняют ее жизнь. И что это очень хорошо. Было бы ужасно, если б ей кто-нибудь понравился, если б кого-нибудь она полюбила. Тогда была бы катастрофа, потому что она не смогла бы обмануть мужа. Ей пришлось бы ломать жизнь, учебу, свою судьбу и судьбу мужа.

Я с удивлением слушал ее речи. Я сказал ей, что она не должна допускать эти чувства.

Едва слышно она ответила:

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
- Кажется, поздно. Я боюсь, что я полюбила.

Нет, она не сказала, что полюбила меня. Но я увидел это в ее глазах, во всем ее облике, в жестах.

Она была весьма смущена. В этом ее чувстве действительно было что-то неловкое. Да, я был помоложе, покрасивей, но в этой ее стремительности все, равно лежало что-то неестественное. В той быстроте можно было заподозрить авантюризм. Она боялась, что я могу так подумать. Я видел ее внутреннюю борьбу - она хотела уйти, но не ушла, потому что поняла, что я не сделаю шага, чтоб снова встретиться с нею.

Она хотела прийти через два дня. Но не пришла. И я был искренне рад этому.

Она пришла через две недели. Пришла бледная, изменившаяся. Пришла, опираясь на палку!

Она сказала, что тяжело заболела. Что год назад она упала на состязании по легкой атлетике. Зашибла ногу. И вот теперь снова ушиб дал о себе знать. У нее опухоль в колене. Она едва может ходить. Она едва пришла, чтоб сказать мне о своем чувстве, которое теперь должно погаснуть в ее сердце.

Я тотчас понял причину болезни.

Я сказал ей:

- Выкиньте меня из головы. И вы тотчас будете здоровы. Вы заболели, чтоб не приходиться ко мне. Ваши ноги перестали вам служить, ибо вы сами сказали, что это будет катастрофа, если кого-нибудь полюбите. Болезнь вас защитила. Она избрала наиболее уязвимое место.

Женщина была умна. Почти с улыбкой она слушала мои слова. Потом стала смеяться. И она смеялась так, что палка упала из ее рук.

Сквозь смех она сказала:

- Это поразительно. Это несомненно так.

Мы дружески с ней расстались. И она ушла, позабыв в моей комнате палку.

Бедный Федя

Это очень давняя история. И я бы не вспомнил о ней. Но выводы, которые я сделал, неожиданно воскресили эту историю в моей памяти.

Кисловодск. Полустанок "Минутка". Через дом от меня живет студент Федя Х. Он здесь на Кавказе - так же, как и я, на практике.

Федя - студент-математик. Милый юноша. Немного застенчивый. Великолепно поет под гитару.

Почти всякий день он приходит ко мне. И я слушаю его музыку.

Поиграв, он начинает говорить о девушках. Ему не везет. Вот уже все студенты обзавелись "симпатиями", а у него нет никого. Когда же, наконец, это случится?

Это случилось под конец лета. Федя влюбился в свою ученицу. Он давал урок по физике гимназистке последнего класса.

Он полюбил ее. И она, видимо, увлеклась им. Мы стали встречать их в курзале и на скамейках парка.

Неожиданно пришла беда - Федя заболел. Он заболел экземой. Экзема началась на его подбородке и перекинулась на щеки.

Для Феде это было несчастье в высшей степени. Он и без этого был застенчив, но теперь лишаи совершенно обескуражили его. Он перестал встречаться со своей

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ученицей. Ему было совестно, что она увидит его ужасные багровые пятна.

Это была нервная экзема. И врачи стали лечить Федю мазями и... кварцевым светом. Но болезнь усиливалась. Возникло подозрение, что у больного отравление крови, сепсис. Федя почти перестал выходить из дому. Он плакал, говоря, что только при его невезении могло так случиться. Ведь это случилось на другой день после того, как ученица призналась ему в своем чувстве.

В конце августа я возвращался с Федей в Петербург. Мы ехали с ним в одном вагоне. Уже на другой день пути Феде стало лучше. Багровые пятна на его щеках поблекли. К концу пути лицо у Феде стало почти чистым.

Федя не расставался с зеркальцем. С восторгом он убеждался, что болезнь покидает его. С печальной улыбкой говорил, как ему не повезло. На что ему его здоровье, если теперь нет той, кого он полюбил.

Снова говорю – я бы и не вспомнил эту историю. Но я вспомнил ее, ибо со всей очевидностью увидел теперь причину его болезни – это была защита, оборона, бегство.

Страх, в котором надлежало разобраться, преграждал шаги. Неосознанный страх нарушил работу органов секреции. Химизм тела несомненно был расстроен. Отравление могло произойти по причинам внутренним, а не извне.

"Я лучше ослепну"

Эту историю я также не вспомнил бы, если бы мои выводы не совпали с ней.

Умирал мой знакомый. Он был одинокий. И смерть его была страшной, даже ужасной.

Это было в девятнадцатом году.

Он был старый журналист. Воспитанный прошлой жизнью, он был ярый противник новой жизни.

Горе и лишения озлобили его еще больше. Пылая ненавистью, он писал статьи, которые, конечно, нигде не печатали. Он посылал эти статьи за границу, отправляя их со случайными людьми.

Я много спорил с ним, доказывал, что он неправ, что он не видит России, не понимает народа, считает, что народ – это только лишь небольшая прослойка интеллигенции. Что не следует свои мысли отождествлять с мыслями народа. Именно тут его ошибка. И ошибка многих.

Мы поссорились с ним. И я перестал его навещать.

Но я снова пришел к нему, когда узнал, в каком он положении.

У него был нервный паралич. Правая сторона его тела была неподвижна. Однако он был по-прежнему неукротим.

Свои статьи он диктовал знакомой стенографистке.

И по-прежнему пересылал их за границу, понимая, что ему несдобровать, что дело это раскроется. Но он шел на это. Его озлобленность была, казалось, выше его страха.

За месяц до смерти он ослеп.

Я зашел к нему. Он лежал неподвижный, слепой, беспомощный. Я стал с ним говорить. И он отвечал кротко, смиренно, подавленный своим новым несчастьем. Главным образом он жалеет, что теперь окончательно лишен возможности работать – он даже не может прочитать, что написано.

Неожиданная улыбка промелькнула на его лице. Он сказал:

– Зато теперь я в безопасности. Кому я теперь нужен в таком состоянии.

Он умер. И я позабыл о нем. И только теперь вспомнил. Я вспомнил его улыбку, в которой прочел какое-то облегчение. Мне теперь кажется, что он ослеп, чтобы не писать. Этим он защитил себя от опасности.

Нет, я понимаю, что существуют другие, "настоящие" болезни, которые по всем правилам медицины приводят больного к параличу и к слепоте. Но в данном случае мне показалось, что разрушение и гибель этого человека произошли не по установленным правилам науки.

Я вспомнил еще целый ряд историй.

9

Я вспомнил множество историй. И все они убеждали меня в справедливости моих выводов.

Это были истории неразорванных условных связей, истории тягчайших болезней, катастроф, драм.

Но я вспомнил и счастливые истории разорванных связей, связей, вовремя порванных и поэтому не опасных.

Я вспомнил одного циркового артиста. Ему не удавался номер. Он трижды падал в сетку. Это было на спектаклях. Это был почти скандал. Публика улыбалась. Артисты покачивали головами, говоря, что вряд ли он теперь сможет делать этот номер.

Тотчас после третьей неудачи, когда публика разошлась, артист снял сетку, натянутую под куполом цирка, и дважды выполнил свой номер.

Он разорвал то, что начинало связываться. Он разорвал условную связь – номер и неудачу. Номер снова стал увязан с удачей.

Я вспомнил еще один поразительный случай разорванных, недопущенных связей.

Когда хоронили одного знаменитого летчика, диктор по радио ошибся. Вместо фамилии погибшего летчика он назвал фамилию другого знаменитого летчика, который присутствовал на похоронах.

Этот летчик слегка побледнел и смутился, когда была ошибочно названа его фамилия. Тотчас после похорон летчик отправился на аэродром, сел в самолет и взлетел к небу. Он сделал высотный рекорд, намного перекрыв себя самого. Он доказал себе, что ошибка эта – вздор, случайность. И случайность эта не будет увязана с его дальнейшей судьбой.

В самом начале нервные связи, которые могли утвердиться, были разорваны. Это было мужественное решение.

Я вспомнил множество историй разорванных и неразорванных связей. И все они с математической точностью утверждали законы, открытые Павловым.

И в норме, и в патологии законы условных рефлексов были непогрешимы.

В них лежал ключ многих страданий.

10

И тогда я подумал о тех людях, которые уже умерли. О тех людях, которые страдали, так и не узнав причины своих страданий.

С волнением я вспомнил о своих записях, которые я делал в дни своей ужасной хандры. Ведь я записывал все, что относилось к меланхолии, к болезням.

В моем черном списке были замечательные и великие люди, прославленные творчеством, делами. Неужели же и они подчинялись этим законам? Неужели же и их сжимал в объятиях такой вздор?

И тогда я немедленно захотел увидеть причину их страданий, причину их меланхолии, гибели. С трепетом я стал перелистывать мои материалы. Нет, я увидел, что все основное стоит на месте. Все причины их гибели – именно те причины, которые были найдены историками, социологами. Ничто из главного не было здесь поколеблено. Поступки и поведения были предначертаны иными давлениями – извне. Но в общей сумме страданий этих людей я снова увидел новое слагаемое, которое не учитывалось. А оно иной раз было велико. Оно иной раз давило с такой силой, которая была смертельной.

С волнением я перелистываю мои материалы.

И вот оживают тени прошлого, величественные тени, перед которыми мы склоняемся.

"Горе уму"
Кто высоко стоит, тот знает грозы

И, падая, ломается в куски...

1

Что заставляет меня писать эту книгу? Почему в тяжкие и грозные дни войны я бормочу о своих и чужих недомоганиях, случившихся во время оно?

Зачем говорить о ранах, полученных не на полях сражения?

Может быть, это послевоенная книга? И она предназначена людям, кои, закончив войну, будут нуждаться в подобном душевспасительном чтении?

Нет. Я пишу мою книгу в расчете на наши дни. Я приравниваю ее к бомбе, которой предназначено разорваться в лагере противника, чтобы уничтожить презренные идеи, рассеянные там и сям.

Но ведь гитлеризм не имеет своей философии. Он "с бору и с сосенки" нахватал чужие мысли. О каких же презренных идеях я говорю? Я говорю именно об этих нахватанных идеях – искаженных, упрощенных, сниженных до уровня звероподобных людей.

Беда была невелика, когда произносились салонные речи о бедах, исходящих от разума. Это было полбеда, когда в плане словесной баталии господа литераторы говорили о счастье жить в лесах и в пещерах. И там, вдали от городской суеты, искать спасения от машин, от цивилизации, от дальнейшего роста сознания.

Но это уже беда, если подобные речи талдычит солдат, претендующий на мировое господство.

А он талдычит эти слова, исказив их, доведя до предела и крайности. Он восклицает, слыша звон, но не зная, где он: "Образование калечит людей...", "Интеллигенция – это отбросы нации", "Я хочу, чтоб моя молодежь была бы, как дикие звери...", "Сознание приносит людям неисчислимыя беды..."

На заре человеческого разума увидеть закат и желать его! Какое это мрачное желание, и в какой темной и низкой душе оно возникло!

Мир померкнет на тысячу лет, если этот ефрейтор на сером коне победителя въедет на весенние поля, столь еще мало вспаханные сохой науки.

Этого не случилось. И не может случиться! Тем не менее "в защиту разума и его прав" следует писать.

И вот одна из причин, почему в грозные дни войны я пишу это мое сочинение.

2

Но не только поэтому я пишу мою книгу.

я пишу ее с надеждой, что она будет полезна людям.

Быть может, в этом моем желании усмотрится некоторая, что ли, наивность, напрасная цель, неверные домыслы. Я не позабыл слова физиолога: "Ничего не обещайте людям!"

Но я обещаю в умеренной степени.

Одним, быть может, книга моя доставит отдых, развлечение. Другим вернет душевное равновесие. Третьих рассердит, заставит задуматься. Заставит сойти с Олимпа, чтоб послушать, что произносит неуч, с которым случилось нечто такое, что случается только с собаками.

– Боже мой! – воскликнут они. – Заговорила собака! Дает честное слово, что она все это испытала на собственной шкуре. Господа, давайте посмотрим, так ли все это, как она говорит!

И тут, быть может, на время отвернувшись от собак, они возьмутся за младенцев, кои, вырастая в зрелые существа, доставляют науке столь немыслимые хлопоты и волнения.

Прелестные эти сцены – внимание к людям – услаждают мой взор, устремленный в небесные дали.

Именно эти дальнейшие сцены заставляют меня писать мою книгу, заставляют сойти с пути, усыпанного розами.

Да, путь был бы усыпан розами, если б я закончил мою книгу в поэтической форме. Ах, это была бы славная книженция, составленная из маленьких изящных новелл, взятых из жизни!

С улыбкой радости читатель держал бы эту книгу в своих руках.

Да и мне было бы куда как легче, проще. Ведь без труда, локтем левой руки, почти с божественной легкостью, я писал эти маленькие новеллы...

И вот взамен них вы теперь видите нечто вроде исследования, с сухими, потусторонними словами – рефлекс, симптомы, нервные связи...

Ах, зачем это! Для чего менять кукушку на ястреба, летящего в небе? Зачем писателю быть еще фельдшером? Господа, велите ему писать так, как он начал!

С превеликим удовольствием я исполнил бы это законное требование. Однако тема не допускает это сделать. Она не влезает в изящные рамки художественной литературы, хотя из почтения к читателю я и стараюсь ее туда как-нибудь втиснуть.

Темой же пренебречь нельзя. Она исключительной важности, по крайней мере лично для меня. Ради нее я и взялся за это сочинение. Ради нее я избрал скорбный путь.

Скорбный путь! Да, я предвижу постные речи, хмурые взгляды, едкие слова.

Я как бы уже слышу скрипучие голоса о ненужности такого внимания к собственному телу, о вреде излишнего контроля над самим собой. К чему, скажут, иметь такой настороженный ум, в его каком-то новом, сомнительном качестве.

Я предвижу это. Однако финал моей книги, надеюсь, рассеет эти сомнения.

3

Итак, на чем мы остановились? Не на словах ли Байрона:

Сочти все радости, что на житейском пире
Из чаши счастья пришлось тебя испить,
И убедись, что, чем бы ни был ты в сем мире, –
Есть нечто более отрадное: не быть...

Нет, мы остановились не на этих печальных словах.

Мы остановились на списке замечательных и прославленных людей. Потрясенный несчастьями и хандрой этих людей, я захотел узнать: по каким причинам возникали у них эти несчастья. Не по тем ли самым, что у меня?

Вы видели, в каком сложном счете было обнаружено мое страдание, составленное из многих слагаемых.

Теперь, умудренный опытом, я захотел узнать, из каких слагаемых создавалось страдание людей, отмеченных в моем списке.

Вернее, я захотел узнать одно из этих слагаемых, ради которого была задумана моя книга.

Нет, это не легко и не просто сделать. Это надлежит сделать весьма осмотрительно, с полным учетом всего, что окружало этих людей. Эти люди были разных эпох, разных характеров, разных направлений. И, стало быть, не одни и те же силы действовали на них извне. Не одни и те же причины создавали душевный конфликт.

Нередко душевный конфликт возникал у людей, почти минуя биологические основы, действуя вне их. Таков, видимо, душевный конфликт Пушкина. Положение в России – вот что лежало в основе его конфликта и вот что привело поэта к гибели.

Вот в каком сложном счете решаются вопросы о силах, действующих на человека.

Однако столь сложных примеров я постараюсь избежать. Я возьму только тех людей, на которых слишком явно действовали физиологические силы.

Я возьму примеры клинического порядка.

С превеликой осторожностью я подхожу к моему краткому исследованию.

Нет, это даже нельзя назвать исследованием. Это материалы для исследования. Это эскизы, наброски, отдельные штрихи, по которым лишь отчасти можно восстановить истинную картину.

4

В начале моей книги я уже упоминал имя Эдгара По, имя замечательного писателя, влияние которого было огромным на судьбу всей мировой литературы.

Личная же его судьба была безрадостна, беспросветна, ужасна. –

Эдгар По писал:

"У меня такая угнетенность духа, которая погубит меня, если будет продолжаться...", "Ничто не может мне доставить радости или хотя бы малейшего удовольствия... Чувства мои в данную минуту поистине в жалостном состоянии...", "Убедите меня, что мне надо жить..."

Он писал эти слова, когда ему было меньше тридцати лет. В сорок лет он умер. Вся сознательная его жизнь была заполнена бедой, удивительной тоской, причины которой были ему непонятны.

Я не имею под рукой достаточных материалов, чтобы тщательно исследовать жизнь этого человека. Но даже скудные материалы говорят о крайне чувствительной психике, о болезненном сознании, о неврозах, какие нельзя не заметить.

Я отмечу несколько фактов, взятых из биографических материалов. Я отмечу те факты, какие мне кажутся характерными, какие имели значение или влияние на болезненную психику Э. По.

Его родители жили в нищете. Они умерли, когда ребенку было два года. Приемный отец взял его на воспитание.

Когда приемный отец пришел его взять (пишет биограф), мальчик находился в каком-то оцепенении. Нянька успокаивала ребенка тем, что совала в его рот хлеб, намоченный в вине.

В пятилетнем возрасте ребенок едва не погиб. Он упал с дерева. Причем упал в воду, в пруд. Мальчика вытащили из воды почти мертвого, без пульса. Его едва вернули к жизни.

Когда ему исполнилось шесть лет, его повезли в Англию. Все биографы отмечают, что длительное морское путешествие произвело на него необычайно сильное впечатление.

Один из биографов пишет: "Дважды совершенное путешествие по воде предрешило многое в развитии отличительных черт Э. По".

Другой биограф (Гаррисон) отмечает, что "на его впечатлительный характер чрезвычайно повлияли два океанских путешествия".

Тот же биограф отмечает, что Э. По весьма долго не мог научиться плавать, хотя настойчиво стремился к этому. С необыкновенным упорством он старался постигнуть эту науку. Однако он научился плавать, уже будучи взрослым. И даже достиг в плавании рекорда, проплыв однажды несколько миль.

Однако плавание нередко заканчивалось бедой. "Однажды (пишет биограф) он вышел из воды, весь покрытый волдырями" (!).

Нередко плавание заканчивалось рвотой.

Мы видим сцены необыкновенной ясности: человек несомненно преодолевал какие-то огромные внутренние преграды, возникающие в сознании. Можно смело сказать, что вода действовала на Э. По угнетающим образом. Оборонный рефлекс сопровождал любое столкновение с водой. Неосознанный страх присутствовал при встрече с условным раздражителем.

Я не берусь восстанавливать общую картину психоневроза Э. По. Но я могу отметить, что объекты устрашения и условные связи, ведущие к ним, весьма явственны. Эдгар По пишет женщине, которую он любил (Ел. Уитман):

"Я избегал вашего присутствия, и даже города, в котором Вы жили..."

Интересно отметить, что Э. По избегал этой женщины, так как он (не имея на то никаких оснований) считал ее замужней. И только потом он "в этом разуверился".

Мотив для того, чтобы избежать этой женщины, был поистине необыкновенным. Понадобились искусственные, придуманные мотивы для того, чтоб оправдать свое, казалось бы, непонятное бегство.

В другом письме Э. По пишет этой женщине:

"Я не смел говорить о вас, тем менее видеть вас. В течение лет ваше имя ни разу не перешло моих губ... Самый шепот, касавшийся вас, пробуждал во мне трепещущее чувство, смутно слитое из страха, восторженного счастья и безумного, необъяснимого ощущения, которое ни на что не походит так близко, как на сознание вины..."

С поразительной ясностью Э. По раскрывает картину своей беды. Сам того не подозревая, он дает тщательный анализ своего психического состояния. Он находит в своем состоянии элементы: страх, радость и вина.

Нет сомнения, что школа Фрейда увидела бы в этом так называемый эдипов комплекс. Другими словами, увидела бы в этом тайное и подавленное влечение к своей матери. Она увидела бы в этом нравственный запрет и боязнь наказания, которое налагается на человека в условиях цивилизованной жизни.

Биографы отмечают, что Эдгар По любил образ своей матери. Всю жизнь он не расставался с медальоном, в котором был ее портрет.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Должно быть, и в этом маленьком факте школа Фрейда увидела бы истинное оправдание своих выводов.

Тем не менее, выводы эти не оправдываются. Мы снова видим здесь нечто иное, чем Эдипов комплекс. И вот почему.

Мать Эдгара По умерла, когда ребенку было два года.

Сомнительно, что годовалый ребенок мог испытывать нравственное волнение или страх наказания за свои младенческие чувства к матери.

Но еще более сомнительно, что эти чувства и волнения ребенок испытывал после двух лет. Он не мог их испытывать. Он не видел матери – она умерла.

Стало быть, ребенок не мог подавлять или запрещать свое влечение к матери, в какой бы форме оно ни было. И, стало быть, если возник запрет, то он возник по иным причинам, не оправдывающим соображения Фрейда об Эдиповом комплексе.

Какие же, в таком случае, могли быть иные причины? Только те, о которых мы говорим в нашей книге.

Не нравственные мотивы и не страх наказания за свои младенческие "влечения", а иного характера страх – перед предметами, в значении которых младенец ошибся, – вот что имеет место.

Оборонный рефлекс мог возникнуть только лишь на основе этих "вещественных" мотивов. Все остальные мотивы были продиктованы дальнейшим развитием. Нет сомнения, они могли оказывать влияние на поведение субъекта. Однако сомнительно, что эти мотивы могли носить патологический характер.

Итак, среди болезненных представлений Э. По мы находим несколько элементов весьма явственных: вода – мать – женщина. Можно допустить, что имелись еще и иные объекты устрашения.

Однако и найденные объекты с достаточной ясностью говорят нам о патологическом характере отношений к ним.

Не понимая, что с ним и каковы причины его несчастья, Э. По стал пить. Этим он хотел сбросить с себя оцепенение, хандру, торможение, которые возникали у него при столкновении с объектами его устрашения.

Умер Э. По неожиданно и при странных обстоятельствах. Он выехал из Балтимора в Филадельфию. Поездной кондуктор нашел его на полу в каком-то странном оцепенении. Его отправили в больницу. И там он вскоре умер. Свидетели его смерти писали, что и в больнице он все время находился в каком-то судорожном состоянии.

Весь путь его жизни, его болезни, тоски и гибели имеет следы патологии, имеет, как мне кажется, следы неверных условных связей, ошибочно возникших при первом знакомстве с окружающим миром.

5

О болезни Гоголя я сделаю более обстоятельное исследование. Впрочем, психика Гоголя, с чертами огромных противоречий, чрезвычайно сложна. И, видимо, добиться исчерпывающего анализа не представляется возможным без некоторых документов, каких мы не нашли в записях современников Гоголя.

Я отмечу только лишь то, что мне кажется бесспорным.

Нет сомнения, что болезнь Гоголя складывалась не только по причинам физического характера. Герцен, например, считал, что "николаевский режим вел Гоголя в сумасшедший дом". В этих словах было нечто справедливое.

С огромной силой Гоголь изобразил николаевскую Россию. Он нашел беспощадные и точные слова, изображая помещичью жизнь, николаевский строй и пошлую, фальшивую мораль общества.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
На этих своих литературных позициях Гоголь был революционером, демократом, истинным представителем народа.

Однако Гоголя устроили и безрадостные картины, какие он нарисовал, и революционность, о которой он не помышлял.

Разлад оказался весьма велик между художником и человеком, между реальной жизнью и желанием увидеть Россию иной.

Он хотел вырваться из тисков этого конфликта. Но не смог этого сделать. Он не смог и не захотел пойти по той дороге, по которой шли Белинский, Чернышевский и революционная демократическая молодежь.

Гоголь сделал шаг с тем, чтоб примириться с печальной действительностью, но этот шаг привел его в стан его же врагов.

Это и было трагедией Гоголя, той трагедией, которая усугубила его болезнь, ускорила его гибель.

Однако, помимо этой трагедии, Гоголь нес в себе и другую трагедию – конфликт физиологического порядка, который столь бурно отразился в его болезни, в его психоневрозе.

Черты этого психоневроза отчетливо видны на протяжении всей жизни Гоголя.

Эти болезненные черты были замечены окружающими в раннем его детстве.

В 1815 году (Гоголю пять-шесть лет) "вельможа и благодетель" Трощинский писал отцу Гоголя:

"...да будет вам известно, что я трактовал с Наталинским (врачом)... о золотушных припадках Вашего Никоши..."

Эти непонятные "золотушные" припадки стали повторяться и в юности, и в зрелые годы.

Эти припадки достигали иной раз огромной силы. И тогда Гоголь не находил себе места – "не мог ни лежать, ни сидеть". При этом иной раз у него возникала тоска в той степени, какая позволила ему однажды воскликнуть: "Повеситься или утонуть казалось мне как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение".

Однако врачи не находили у Гоголя сколько-нибудь серьезной органической болезни. Его лечили от золотухи, от ипохондрии, от "геморроидов", от желудочных заболеваний.

Лечение не имело успеха, и физическое состояние Гоголя стремительно ухудшалось.

Однако были моменты, когда многолетняя болезнь Гоголя мгновенно исчезала. И тогда он вновь чувствовал себя здоровым и юношески свежим. Гоголь не раз отмечал эту странность своей болезни.

В 1840 году Гоголь писал (Погодину): "Дорога сделала надо мной чудо. Свежесть и бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал".

В письме (2 января 1846 г.) Гоголь писал А. П. Толстому:

"Я хуюеу, вяну и слабею, и с тем вместе слышу, что ест ь что-то во мне, которое по одному мановению высшей силы выбросит из меня недуги все вдруг..."

Стало быть, Гоголь и сам чувствовал, что его болезнь не ест ь нечто раз навсегда данное, органическое. Это болезненное "нечто" может уйти, исчезнуть и не вернуться к нему. Уже это одно обстоятельство позволяет нам предположить в болезни Гоголя ту болезнь, о которой мы сообщаем в нашей книге.

Допустим, что наше предположение правильно. Допустим, что Гоголь чем-либо был травмирован в младенческом возрасте.

Как исследовать эту травму? Как проанализировать течение этой болезни?

Мне кажется, что это возможно сделать по тем особенностям и "странностям", какие характерны для поведения Гоголя в его личной жизни.

Какие же "странности" мы наблюдаем в поведении Гоголя?

Этих странностей немало. Однако основной "странностью" можно считать отношение Гоголя к женщине.

Известно, что Гоголь не был женат. И не стремился к этому. Более того, мы не знаем ни одного сколько-нибудь значительного увлечения Гоголя.

В 1829 году Гоголь писал матери о своем чувстве к какой-то незнакомке, которую он назвал "божеством, слегка облаченным в человеческие страсти".

Слова, найденные для описания своей влюбленности, необычайны и для исследователя чрезвычайно важны:

"Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О, какое жестокое состояние!.. Если грешникам уготован ад, то он не так мучителен! Нет, это не любовь была.. В порыве бешенства и ужаснейших терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я.. Взглянуть на нее еще раз - вот было одно-единственное желание.. С ужасом осмотрел и разглядел я свое ужасное состояние. Я увидел, что мне надо бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь..."

Даже если это не реальная любовь, а всего лишь фантазия, выдумка, то и в этом случае аналитический характер этой выдумки остается.

Страх, ужас, муки, смерть - вот что идет рука об руку с женщиной! Вот что сопровождает любовь.

И только бегство может сохранить жизнь. И вот это бегство мы видим на протяжении всей жизни Гоголя.

Он избегал женщин.[4] Хотя и понимал, что столь длительное воздержание не может не отражаться на его здоровье.

Гоголь писал о К. Аксакове:

"Если человек, достигнув тридцати лет, не женился, то он делается болен..."

Несомненно, эти слова Гоголь относил и к самому себе. Тем не менее, он не изменил своей жизни. И не мог ее изменить, так как препятствия были значительны и вне его власти.

Какого же рода были эти препятствия?

Видимо, неосознанный страх, возникающий в силу оборонных рефлексов, тот страх, в котором так красноречиво признался сам Гоголь в письме о своей влюбленности.

Каким же образом возник этот страх? Когда? И на чем он был основан?

Этот страх мог возникнуть только лишь в младенческом состоянии. Ибо только младенческий возраст мог создать страх, до такой степени лишенный логики.

Но ведь этот страх относился к женщинам. К кому же именно он первоначально возник?

Он мог возникнуть к матери - вернее, к тем объектам устрашения, какие были условно связаны, с матерью. Ведь, по закону условных рефлексов, ребенка страшит и мать, и объекты устрашения, связанные с ней, с той только разницей, что страх этот усложнялся противоречиями и уживался вместе с радостью и стремлением.

В дальнейшем любой образ женщины мог вызвать этот противоречивый страх.

Но если условные нервные связи соединили образ женщины с несчастьем, ужасом и даже гибелью, то эти чувства должны проявляться и в отношении к матери.

Разве так обстоит дело у Гоголя?

Да, именно так. Отношение Гоголя к матери было в высшей степени противоречивым и странным.

Его "почтительная сыновья любовь" к матери уживалась с нежеланием ее видеть. Он находил разные предлоги и мотивировки для того, чтобы не поехать к ней, и для того, чтоб она не приехала к нему.

Он отговаривался делами, нездоровьем и тем, что он дома испытывает хандру.

Он писал матери (в декабре 1837 г.):

"Когда я был последний раз у Вас, я думаю, сами заметили, что я не знал, куда деваться от тоски... Я сам не знал, откуда происходила эта тоска..."

В другой раз, когда Гоголь поехал к матери, он почувствовал эту тоску уже в экипаже.

Гоголь, который отлично переносил любую дорогу и даже считал, что дорога - его лекарство, на этот раз не мог ее вынести. Его "нервическое" состояние дошло до таких пределов, что он решил вернуться в Москву.

И он действительно с полпути вернулся назад, не доехав до своего имения.

Гоголь любил свою мать на расстоянии и всячески избегал встречи. И в этом он дошел до того, что свои письма к ней, посылаемые из Москвы, он не раз помечал заграничными городами - Веной, Триестом.

Вот обстоятельства, которые поставили в тупик многих биографов Гоголя. Этот обман казался загадочным, непонятным.

На самом же деле он объяснялся весьма просто: нежеланием Гоголя увидеться с матерью, бегством от нее. Пусть она думает, что он за границей, иначе она снова будет настаивать на встрече.

Но, может быть, он делал это, чтоб не совершать длительного путешествия? Быть может, ему, обремененному делами и заботами, было не до того? Нет, мать не всегда настаивала на его приезде. Она сама хотела бы побывать в Москве.

В таком случае, Гоголь, может быть, стеснялся ее, стыдился ее провинциального вида? Нет, судя по письмам, Гоголь уважал ее, почитал, испытывал к ней истинные чувства, оберегая ее от волнений и забот.

Видимо, нечто иное удерживало его от встреч с матерью.

Это "нечто иное" было неосознанным, инфантильным. Условные связи явственно тянулись к объектам устрашения - к дому, к матери, к женщине.

Эти связи на протяжении всей жизни оставались неразорванными и действовали губительно.

Когда однажды встречи с матерью нельзя было предотвратить, Гоголь нашел весьма холодные и неприятные слова, говоря об ожидаемой встрече. Он писал Данилевскому (декабрь 1839 г.):

"...Желая исполнить сыновний долг, то есть доставить случай маменьке меня видеть, приглашаю ее в Москву на две недели..."

По-видимому, мать была невольной виновницей младенческого конфликта.

Но ведь в уме младенца мать - это не только мать, это еще - питание, еда и радость утоления голода. Значит, и в этой области должны быть странности, "чуждачества", непорядки, - быть может, даже в большей степени, чем в ином, ибо условные связи здесь еще более прочны, так как "столкновения" с этим объектом постоянны, и нет возможности их избежать.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Мы знаем, как проходили последние трагические дни Гоголя. Он отказался принимать пищу и морил себя голодом.

Последние же дни он вовсе перестал есть, несмотря на уговоры и мольбы окружающих.

Тогда его стали кормить искусственно, силой. Он кричал и умолял не трогать, "не мучить" его.

Однако отказ Гоголя от еды не возник из-за какой-либо желудочной болезни или от отсутствия аппетита. Доктор Тарасенков пишет: "Пuls был ослабленный, язык чистый, но сухой, кожа имела натуральную теплоту. По всем соображениям, видно было, что у него нет горячего состояния, и неупотребление пищи нельзя было приписать отсутствию аппетита..."

Тот же Тарасенков пишет: "Он не хотел в этот день ничего есть и когда после съел просфору, то назвал себя обжорой, окаянным, нетерпеливцем и сокрушался сильно". Может быть, это было "религиозное испугание", какое видят в этой голодовке многие биографы?

Нет. Религиозный мотив, быть может, и имел значение, но он не был основным и даже существенным.

Мы знаем, что духовные особы – духовник и приходский священник – уговаривали Гоголя есть.

Известно, что приходский священник почти силой заставил Гоголя "принять ложку клещевинного масла".

Более того, Толстой обратился с просьбой к митрополиту Филарету "воздействовать на расстроенное воображение кающегося грешника" – приказать Гоголю принимать пищу и слушаться распоряжения врачей.

Митрополит велел передать Гоголю свое приказание, говоря, что "сама церковь повелевает в недугах предаться воле врача".

Однако и это высокое приказание не произвело перемены в мыслях больного. Ибо в основе отречения от еды лежали не религиозные мотивы.

Чем же сам Гоголь объяснял свой отказ от еды? Он находил весьма странную и вместе с тем показательную мотивировку. Доктор Тарасенков пишет:

"За обедом Гоголь употреблял только несколько ложек овсяного супа или капустного рассола. Когда ему предлагали кушать что-нибудь другое, он отказывался болезнью, объяснял, что чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета, и притом оттого, что его лечили" (!).

Этот инфантильный ответ Гоголя весьма разъясняет сущность его отказа от еды.

Во-первых, мешают спазмы и судороги (симптомы оборонного рефлекса?). Во-вторых, эти слова Гоголя говорят о нежелании лечиться, другими словами – о нежелании быть здоровым. Вот где вся суть его болезни и гибели. Лучше умереть, чем испытывать то, что он испытывает.

Вот в каком счете решался вопрос о голодовке Гоголя.

Однако как же совместить его голодовку с тем пристрастием к еде, какое было весьма характерно для Гоголя? Об этом пристрастии Гоголя мы читаем всюду – в мемуарах, в письмах, в воспоминаниях.

По воспоминаниям мы узнаем, как много раз Гоголь "священнодействовал" за обедом, как торжественно приступал к еде и какое значение он придавал хорошему обеду.

В своих письмах (к Данилевскому) Гоголь называл ресторан "храмом" и даже "храмом жратвы" (!).

В мемуарах мы читаем, что Гоголь иной раз сам приготавливал пищу, готовил обед.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Причем делал он это весьма торжественно и серьезно.

С. Аксаков пишет:

"Он от всей души занимался этим делом, как будто оно было его любимое ремесло. И я подумал, что если б судьба не сделала Гоголя великим поэтом, то он был бы непременно артистом-поваром".

Значит, отношение к еде у Гоголя было несколько странным и даже преувеличенно торжественным.

Причем эта странность выражалась постоянно и была замечена всеми мемуаристами.

М. Погодин пишет, что художник Бруни, говоря о Гоголе, воскликнул:

"Да мы нарочно ходили иногда смотреть на Гоголя за обедом, чтоб возбуждать в себе аппетит, - он ест за четверых".

П. Анненков пишет:

"Получив тарелку риса по своему вкусу, Гоголь приступил к ней с необычайной алчностью, наклоняясь так, что длинные волосы его упали на самое блюдо, и поглощая ложку за ложкой со страстью и быстротой".

С. Аксаков пишет:

"Гоголь взял на себя распоряжение нашим кофеем, чаем, завтраком и обедом..."

М. Погодин пишет:

"Первой заботой Гоголь имел устроить утреннее чаепитие. Запасы отличного чая у него никогда не переводились. Но главным делом для него было набирать различные печения к чаю. И где он отыскивал всякие крендельки, булочки, сухарики - это уже только знал он, и никто более... Начинаются наливания, разливания, смакования, потчевания и облизывания. Ближе часа никогда нельзя было управиться с чаем..."

Это удивительное пристрастие Гоголя замечено было даже его товарищами по школе.

В. Любич сообщал:

"В карманах брюк у него постоянно имелся значительный запас всяких сладостей - конфет и пряников. И все это, по временам доставая оттуда, он жевал не переставая, даже в классах, во время занятий..."

И еще запись о школьных годах Гоголя:

"Он постоянно сосал медовые пряники, ел - сладости и пил грушевый квас. Гоголь или сам приготавливал его из моченых груш или покупал его на базаре..."

При этом необыкновенном пристрастии Гоголь подчас жаловался на отсутствие аппетита, на несварение желудка, на всякого рода недомогания. Однако в основном это преувеличенное и торжественное отношение к еде оставалось.

Однако всякий раз, приступая к еде, Гоголь (как сообщают свидетели его обедов) "капризничал", нервничал, а иногда и сердился.

П. Анненков пишет:

"Гоголь поразил меня, однако, капризным, взыскательным обращением с прислужником. Раза два он менял блюда риса, находя его то переваренным, то недоваренным".

Ф. И. Иордан пишет:

"Спросив какое-нибудь блюдо, Гоголь едва, бывало, дотронется до него, как уже зовет поваров и требует переменить кушанье по два, по три раза, так, что поваровой трактира почти бросал ему блюда, говоря: "Синьор Николо, лучше не ходите к нам обедать, на вас никто не может угодить..."

Как бы младенческие, инфантильные сцены разыгрываются перед едой. Какое-то необыкновенное волнение присутствует перед этим торжественным процессом.

Мы знаем, как противоречиво складываются чувства и желания человека, основанные на первых младенческих представлениях. Иной раз страх, связанный с желанием, не гасит его, а, напротив, усиливает. Происходит как бы борьба за объект устрашения, который могут отнять. И временная победа над этим объектом увеличивает торжество победителя. Однако окончательная победа остается за страхом.

И механизм этой победы иной раз основан на ослаблении контроля. Науке известно, что кора мозга, ослабляя свой контроль (в силу утомления, болезни, старости), позволяет вновь возникнуть оттесненным животным и младенческим силам.[5]

Переутомленный, ослабленный болезнью, мозг Гоголя (вернее, кора мозга) перестал контролировать даже в той неполной степени, в какой этот контроль осуществлялся в молодые годы. И вот мы видим трагические сцены голодовки, видим неосознанный страх, который постоянно присутствовал к еде. Младенческие представления и животные силы, не контролируемые сознанием, одержали верх.

Однако условные нервные связи соединяли с опасностью не только еду, женщину, мать. Они соединяли еще целый ряд объектов – дом, ночь, кровать.

И в силу этого "опасности" возникали на каждом шагу. И борьба с этими "опасностями" была тягостной, непосильной. Можно было спастись только бегством. Только бегство разрывало эти связи, избавляло от "опасностей".

Именно бегство характеризует поведение Гоголя. Только садясь в экипаж, он чувствовал освобождение, отдых, здоровье.

Сколько раз он писал, как исцелила его дорога.

По словам Смирновой (1840 год), "Боткин усадил полумертвого Гоголя в дилижанс..."

Далее Гоголь сообщает о себе:

"Добравшись до Триеста, я себя почувствовал лучше. Дорога – мое единственное лекарство – оказала и на этот раз свое действие..."

Еще бы, дорога уводила его от опасностей. Неосознанный страх покидал его. Вот что служило исцелением...

Но это было временным исцелением. Та же дорога вновь вела его к женщинам, к еде, к лечению, за которым следовало здоровье, а за здоровьем – еще большие "опасности", еще большая возможность встретиться с тем, что его страшило.

Положение было "безвыходным", ибо даже болезнь не служила облегчением. Ведь болезнь связана с постелью, с кроватью. А кровать была условно "связана" с той тягостной драмой, которая когда-то разыгралась в младенческом возрасте.

Интересно отметить, что многие из биографов и мемуаристов заметили странное отношение Гоголя к кровати. На кровать он почти не ложился, хотя кровать и стояла в комнате. И даже на диван он не всегда ложился. Он предпочитал дремать, сидя в кресле.

П. Анненков "сокрушался и тревожился", видя "такую причуду" Гоголя.

Анненков так описывает ночи, проведенные с Гоголем:

"Гоголь довольно часто, а к концу все чаще и чаще, приходил в мою комнату, садился на узенький плетёный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике и сидел вплоть до света..."

Сам Гоголь объяснял эту свою странность тем, что в его теле происходит какое-то "замирание", когда он ложится на кровать, и, кроме того, он "боится обморока".

Далее Анненков сообщает:

"Со светом Гоголь взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрение о капризе своего жильца..."

Оказывается, помимо инфантильного страха, который испытывал Гоголь, ему нужно было еще притворяться, что страха нет и нет бегства.

Какие младенческие сцены разыгрывались во взрослые годы! И с какой силой они держали Гоголя!

Вот поразительный пример замечательного ума, находящегося под властью бессознательных представлений.

Какие тягчайшие страдания испытал великий поэт! Какую боль мы испытываем за эти его страдания! Их не было бы, если б контроль над низшими силами был осуществлен.

Эти страдания, испытанные Гоголем, не снижают образа великого художника, поэта, литератора. Не омрачают нашу память о нем. Гоголь был на уровне знаний своего времени. Но уровень науки был недостаточно высок. Наука того времени блуждала в потемках в этой области. Она не смогла помочь Гоголю. Или даже разъяснить ему, как разъясняет теперь нам.

6

Передо мной на письменном столе лежат еще несколько исследований. И выводы в одинаковой мере сходятся.

Я не стану затруднять читателя подробностями этих исследований. Мне кажется, что и два приведенных примера достаточно убеждают.

В чем убеждают? Хотя бы в том, что необходим контроль разума над низшими силами.

Однако я приведу еще несколько коротких примеров из этой области. Свое мрачное состояние Некрасов приписывал расстроенному здоровью, главным образом болезни печени... Некрасов пишет:

"Доктор Циммерман объявил, что у меня расстроена печень. Итак, я дурю от расстройства печени..."

Долгие годы Некрасова лечили от этой болезни.

Однако после смерти тело было вскрыто, и внутренние органы, включая печень, найдены были в хорошем состоянии.

Доктор Белоголовый, присутствовавший при вскрытии, пишет:

"Для 56 лет он сохранился изрядно. Никаких болезней, кроме конституционного специфического расстройства, не было". [6]

Меланхолия же сопровождала Некрасова всю жизнь. Даже семнадцатилетним юношей, едва вступив в жизнь, Некрасов писал:

И в новый путь с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда...

Эта "болезненно развитая хандра" происходила не от болезней тела. Причины ее лежали в ином. Даже при поверхностном анализе можно было убедиться в наличии бессознательных представлений, подчас одерживающих верх.

Предполагалось, что у Салтыкова (Щедрина) опухоль в мозгу. Так как у него были, как пишет доктор Белоголовый, "судорожные сокращения в мышцах тела до такой степени сильные, что писание стало для него не только затруднительным, но и почти невозможным".

"В 1881 г., - пишет Белоголовый, - эти подергивания стали чрезвычайно велики и приняли вид Виттовой пляски".

Кроме того, у него возникли "боли в глазах, не связанные ни с каким очевидным поражением глазного аппарата".

Эти симптомы и "мучительные припадки свойственной ему хандры" навели врача на мысль, что у Щедрина "имеется опухоль или киста в мозгу".

Однако по вскрытии (как сообщает тот же врач) ни опухоли, ни кисты, ни каких-либо изменений в тканях мозга не было обнаружено.

Причины, несомненно, гнездились в функциональных расстройствах, в бессознательных представлениях, в сфере ошибочных чувств, ошибочных ответов на те раздражения, кои не соответствовали силе и целесообразности этих ответов.

Вероятно, современная наука в первую очередь произвела бы анализ психики, прежде чем высказывать предположения об опухоли в мозгу.

Такого рода анализ, быть может, сохранил бы жизнь величайшего романиста Бальзака.

История его любви (к Ганской) есть история его болезни и гибели.

В течение многих лет он переписывался с этой женщиной. Он ее любил с той силой, на какую способен человек большого сердца и большого ума.

На расстоянии (они жили в разных странах) она не была ему "опасна". Но когда она захотела уйти от мужа, чтоб приехать к нему, он написал ей: "Бедная привязанная овечка, не покидай своего стойла".

Однако она "покинула свое стойло". Она приехала (в Швейцарию), чтобы повидаться с Бальзаком. Однако это была несчастная встреча. Бальзак почти избегал Ганскую.

Биографы были поставлены в тупик его поведением.

Один из биографов пишет: "Он почувствовал боязнь узнать ту, которую любил".

Другой биограф пишет: "Он испугался слишком большого счастья" (!).

Третий биограф делает вывод: "У него была скверная комната, и он стеснялся приглашать ее к себе".

Какой вздор! И какие пошлые мотивы найдены для объяснения бегства, обороны, страха.

Но вот у Ганской умер муж. Все нравственные мотивировки отпали. Никаких отступлений больше не могло быть.

Бальзак должен был выехать на Украину, чтоб жениться на Ганской.

Биограф пишет, что это решение ехать необыкновенно взволновало его. "Сев в коляску, Бальзак чуть было не остался там навсегда".

С каждым городом, приближаясь к цели путешествия, Бальзак чувствовал себя все хуже и ужасней.

У него началось удушье в такой степени, что дальнейший путь казался ненужным.

Слуги поддерживали его под руки, когда он вошел к Ганской.

Он бормотал: "Я, кажется, умру, прежде чем дам вам свое имя".

Однако это его состояние не оборонило его от венчания, которое было назначено заранее.

Последние дни перед этим Бальзак был почти парализован. Его внесли в церковь

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
сидящим в кресле.

Он вскоре умер. Умер пятидесяти лет от роду. Это был человек огромной физической силы, огромного темперамента. Но это не спасло его от поражения. [7]

Мы видим на этом примере, какой силы может иной раз достичь противник. И какая оборона требуется для победы над ним, над ложными инфантильными представлениями, столь устрашающими наш бессознательный мир.

7

Таких примеров поражения, примеров тоски, болезней и гибели можно привести немало. Но я этим ограничусь.

Я отмечу только, что, не находя причин своих несчастий, иные люди обращались к разуму, как к главному виновнику этих бед. И тут нетрудно было спутать. Люди видели перед собой, казалось бы, наглядные примеры: высокий ум чаще других терпит страдания. Казалось, эти страдания относятся ко всякому высокому уму. Казалось, высокий ум несет беду, горе, болезни. Однако эти страдания вовсе не относились к высокому уму. Они относились к уму, главным образом, связанному с искусством, с творчеством, – в силу особых, специфических свойств этого ума, в силу склонности этого ума к фантазиям, к сверхчувствительным восприятиям. Именно эти особые свойства ума (чаще всего наследственного характера) давали большую возможность для возникновения ошибочных нервных связей, почти всегда основанных на ложных младенческих фантазиях!

Однако это вовсе не означает, что все люди искусства, творцы и фантазеры, обязательно несут с собой болезни и воздыхания. Эти болезни возникают в силу несчастного стечения обстоятельств. А свойства ума являются только лишь благоприятной почвой для их возникновения. [8]

Вот где кроется ошибка. И вот где истоки хулы, произнесенной разуму.

Высокое сознание не является чем-то опасным. Даже для сверхчувствительного ума, склонного к фантазиям, вовсе не обязательны страдания и психоневрозы.

Есть множество примеров, когда высокая одаренность, и даже гениальность, вовсе не сопровождаются безумием, неврозом, болезнями. Напротив, мы наблюдаем в этих примерах абсолютное здоровье и норму во всех отношениях.

Абсолютное здоровье вовсе не лишает возможности быть творцом-художником. Напротив, абсолютное здоровье – это идеал для искусства. Только тогда искусство может быть полноценным. И таким, каким оно должно быть. Правда, абсолютно здоровый человек может иной раз предпочесть реальную жизнь бесплодным фантазиям. Ему, пожалуй, будет некогда забивать свою голову придуманными персонажами. Он предпочтет, быть может, думать о живых людях, о подлинных чувствах. Он предоставит фантазировать людям, кои и без того мыкаются среди своих фантазий, не умея в полной мере реализовать свои чувства в силу своих страхов и заторможений.

Вот почему мы подчас видим искусство и болезни в опасной близости.

И вот почему могло показаться, что искусство есть достояние нездоровых людей.

Вовсе нет! Но именно эти люди заподозрили, что разум несет беду. Именно они объявили: "Горе уму".

Они, быть может, не ошиблись в отношении себя. Но они – единицы. Они не должны были бы свои невзгоды приписывать всем людям, которые далеки от подобных бедствий.

Здесь кроется обычная ошибка философов, литераторов, поэтов. Свои чувства и домыслы они нередко отождествляют с чувствами "всего человечества".

Л. Н. Толстой считал, что "непротивление злу" спасает людей от множества бед. Быть может, это спасало Толстого. Но эта идея была абсолютно чуждой большинству людей.

В русском народе Гончаров увидел Обломовых. Быть может, обломовщина была характерна для писателя, но она отнюдь не характеризовала русский народ.

Бальзак в своем романе "Шагренева кожа" утверждал мысль, будто жизнь гаснет и укорачивается с каждым возникшим желанием.

Страшась своих чувств и желаний, Бальзак предложил всем страшиться их, пугая непокорных смертью.

Это была вопиющая ошибка.

Напротив, человеческая жизнь горит тем ярче и тем длительней, чем меньше болезненных препятствий для этого горения. Человеческий организм – это не ведро с драгоценными соками, которые можно расплескать, растерять, растратить от многих столкновений с жизнью. Это "ведро" наполняется по мере расхода. Однако оно пустеет, если вовсе не расходовать его содержимого.

Эта ошибка запутала многих и многих людей.

Это были ошибки против общества, ретив физиологии, против логики. { них мы усматриваем логику не полностью здоровых, а иной раз и вовсе вольных людей.

И в свете этих весьма заметных ошибок становится понятной философская ошибка Достоевского, который сказал: "Слишком высокое сознание и даже всякое сознание – болезнь".

Достоевский не был здоровым человеком. Его жена оставила запись о своем первом впечатлении о нем:

"Я видела перед собой человека страшно несчастного, убитого, замученного. Он имел вид человека, у которого сегодня-вчера умер кто-либо из близких сердцу, человека, которого поразила какая-нибудь страшная беда".

Можно допустить, что болезненное состояние его (эпилепсия), несомненно, ухудшалось от непомерной умственной работы. И, вероятно, это позволило писателю сделать столь крайний вывод.

Однако нам кажется, что не работа, а сложный "ответ", комплекс "ответов" на внешние раздражители способствовали его состоянию.

Быть может, и в этой моей книге кто-либо усмотрит ошибку, подобную тем, о которых я сейчас говорю. Но ведь я утверждаю только то, что относится лично ко мне и отчасти к людям искусства. А то, что относится к людям иных профессий и занятий, я отнюдь не утверждаю. Я только делаю предположение.

Разум побеждает смерть
Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ...

1

В одном из юношеских писем Гоголя есть удивительная и печальная фраза:

"Я разгадывал науку веселой и участливой жизни, удивлялся, как люди, жадные счастья, немедленно убегают от него, встретившись с ним..."

Значит, Гоголь видел не только свое собственное "немедленное бегство от счастья", он также видел и бегство других.

Куда же бежали эти люди? В каких краях они находили свое спасение от той химеры, какую они создали себе?

Они бежали в те края, какие вовсе не спасали их. Они бежали в края болезней, в края безумия, смерти.

Они бежали в эти края, чтоб именно этими крайними средствами спастись от ужасов и страхов, от бед и волнений, в сущности, даже не осознанных ими.

Значит, они бежали и к смерти? Разве в смерти можно видеть облегчение?

Ведь мы знаем, какое иной раз безумие вселяет в человека мысль о смерти. И, тем не менее, мы видим многие примеры, когда стремятся к смерти, добиваются ее, видя в ней спасение, выход, облегчение.

Как же "примирить" эти два столь крайних полюса? Нет сомнения, их можно примирить, если взглянуть, что происходит за порогом сознания.

Ребенок (и животное) не знает, что такое смерть. Он может видеть в этом исчезновение, уход, отсутствие. Но сущность смерти ему еще неясна. Это понятие входит вместе с развитием ума. В низших этажах психики смерть, видимо, не рассматривается как акт, наиболее страшный (вернее, "опасный") из всех актов человеческого состояния.

В 1926 году, когда катастрофа была для меня слишком близкой, когда противоречия и конфликты ужаснули меня и я не находил выхода, я увидел странный сон.

Я увидел, что в мою комнату входит Есенин, который только недавно умер, повесился. Он входит в комнату, потирая руки, счастливый, довольный, веселый, с румянцем на щеках. Я в жизни никогда его таким не видел. Улыбаясь, он присаживается на кровать, на которой я лежу. Наклоняется ко мне, чтобы что-то сказать.

Содрогаясь, я проснулся. Подумал: "Он явился за мной. Все кончено. Я, вероятно, умру".

Но вот шли годы. Я позабыл об этом ночном инциденте. И только теперь, вспоминая все, что было, припомнил этот сон. И тотчас понял, что он обозначал для меня в то время. Ведь он означал: посмотри, как мне теперь хорошо, взгляни, какой я теперь счастливый, здоровый, беззаботный. Милый друг, подтупи, как я, и ты будешь в безопасности от тех ужасных бед, которые нас с тобой раздирали.

Вот что означал этот сон, угодливо подсунутый мне низшим этажом, который страшится опасностей значительно, видимо, больше, чем страшится смерти, ибо не понимает, что это такое, – вернее, не понимает ее так, как мы понимаем ее разумом.

Не этим ли объясняются многие нелепые смерти – от чепухи, от вздора, от незначительных болезней? Не в этом ли кроется одна из причин иных самоубийств, столь похожих на поспешное бегство, на бегство животного?

Такого рода самоубийства инфантильны в высшей степени. За этим стремлением к смерти слишком заметен "неосознанный" детский страх перед сомнительной опасностью, перед сомнительным конфликтом.

Патологический характер этого стремления несомненен. И мы еще раз убеждаемся в том, что контроль разума необходим.

2

Но, может быть, вмешательство разума излишне в иных случаях, в тех случаях, какие можно назвать нормальными?

Нет, мне кажется, что и в этих случаях контроль разума необходим.

В самом деле. Какие чувства мы испытываем, когда видим смерть? Что происходит в нашей психике, в нашем "высшем этаже", когда мы "лицезреем" смерть?

Большинство людей испытывает страх, тоску и даже ужас.

А правильно ли это хотя бы с точки зрения продолжения жизни? Нет, это абсолютно неправильно, опасно и даже губительно.

Тут я вынужден более обстоятельно говорить о смерти – о том состоянии, которое в человеческой жизни более неизбежно, чем какое-либо иное состояние.

Мне кажется, что разговор об этом не противоречит принципам социалистического реализма. При величайшем оптимизме социалистический реализм отнюдь не закрывает глаза на все, что происходит вокруг. И ханжески не отдаляет решений по тем вопросам, какие надлежит решить.

Отношение к смерти – это одна из величайших проблем, с какой непременно сталкивается человек в своей жизни. Однако эта проблема не только не разрешена (в литературе, в искусстве, в философии), но она даже мало продумана. Решение ее предоставлено каждому человеку в отдельности. А ум человеческий слаб, пуглив. Он откладывает этот вопрос до последних дней, когда решать уже поздно. И тем более поздно бороться. Поздно сожалеть, что мысли о смерти застали врасплох.

Один немецкий антифашистский писатель рассказал мне удивительный случай. Друг этого писателя попал в застенки. Его там пытали. До он выдержал пытку. А когда он столкнулся с тем, что он должен был умереть, – душа его дрогнула. Мысль о смерти впервые пришла к нему. Она застала его врасплох, когда он был слаб и измучен. Эта мысль так его устрасила, что он отказался от своей идеи, чтоб спасти свою шкуру. Из тюрьмы он прислал покаянное письмо, с отчаянием разъясняя, что с ним случилось.

Рассказывая об этом случае, писатель сказал мне:

– Я раньше думал, что вопросы смерти мы должны предоставить писателям старого мира. Нет, мы должны писать о смерти. Мы должны думать об этом вопросе не меньше, чем люди думают о любви.

Это несомненно так. И вы сейчас увидите – почему.

3

Почти все мемуаристы, говоря о Гоголе, отметили в нем страх смерти.

А П. Анненков пишет, что "лицезрение смерти ему было невыносимо".

Гоголь не был, конечно, здоров, но все же он был в удовлетворительном еще состоянии, когда однажды он близко столкнулся со смертью. Умерла сестра поэта Языкова, с которой Гоголь был дружен. Уже на первой панихиде Гоголь почувствовал себя ужасно. Он был потрясен и поражен этой смертью. Сам факт смерти так на него подействовал, что это заметили все окружающие.

Доктор Тарасенков пишет:

"Смерть ее не столько поразила мужа и родных, как поразила Гоголя... Он, может быть, впервые здесь видел смерть лицом к лицу..."

Видимо, это замечание современника Гоголя было правильным. Нет сомнения, Гоголь видел смерть, но здесь он, быть может, впервые по-настоящему задумался о ней. И тогда, как он сам признался своему духовнику, на него "напал страх смерти":

Уже на первой панихиде, вглядываясь в лицо умершей, он (по словам А. С. Хомякова) сказал: "Все для меня кончено..."

И действительно, с этого дня Гоголь был в постоянном расстройстве. И, вероятно, думая о смерти и о прожитой жизни, он однажды сказал: "Все чушь, все ерунда..."

Он заболел. По словам П. А. Кулиша, он заболел "той самой болезнью, от которой умер отец его, – именно, что на него нашел страх смерти..."

Через несколько недель Гоголь умер.

Мы описывали его конец. Это была смерть без борьбы, это была безропотная смерть, стремление к смерти. Страх присутствовал в чувствах. Он ускорял и приближал развязку. Он действовал в той губительной степени, какая была замечена

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
окружающими.

Но ведь подобный страх испытывал не один только Гоголь. Его испытывают многие люди, большинство.

Об этом страхе и даже ужасе перед фактом смерти нам подряд сообщают - история, мемуары, письма.

Потемкин - фаворит Екатерины - буквально "выл от страха смерти". Современники писали о нем: "Малодушный страх и ужас смерти обуял его, он стал хандрить и тосковать".

Императрица Елизавета Петровна "ужаснулась смертью" и даже стала пить, чтоб рассеять страшные мысли об этом.

Царь Михаил Федорович, задумавшись о конце, "впал в неподвижность" и умер "от многого сиденья, холодного питья и меланхолии, сиречь - кручины".

Смерть ужасала людей. И люди высокого таланта не в меньшей степени поддавались этому страху.

Сестра композитора Глинки пишет:

"Он так боялся смерти, что до смешного ограждал себя от всяких малостей..."

Тоска раздирала Мопассана, когда он писал:

"Что бы мы ни делали, все равно придется умирать. Во что бы мы ни верили, к чему бы ни стремились, мы все-таки должны умереть. Чувствуешь себя раздавленным тяжестью сознания..."

Л. Н. Толстой, ужасаясь, писал:

"Сорок лет работы, муки и успехов для того, чтоб понять, что ничто не существует, и от меня останутся только гниль да черви..."

Толстой впоследствии изменил свое отношение к смерти, и эта запись его нам тем более интересна, хотя бы для сравнения, которое мы сделаем ниже.

Устрашенный смертью Блок писал, желая, должно быть, скорей увидеть финал:

Когда ж конец? Назойливые звуки
Не станет сил без отдыха внимать.
Как страшно все! Как дико! - Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять...

Итак, мы видим, что страх в непомерной степени присутствует при столкновении со смертью, даже при мысли о ней.

Причем мы видим, что этот страх обескураживает людей, делает их покорными, робкими, беспомощными. Он обезоруживает и делает их еще более податливыми смерти.

Как сказано у Шекспира:

...Страх смерть влечет,
Но смерти мы покорные рабы,
От страха ей отдавшись
без борьбы...

Это есть точные и верные слова. Страх лишает возможности бороться. Он ускоряет гибель. Быстрее, стремительней ведет к концу.

Заставая же нас врасплох или в болезненном состоянии, страх тем более беспощаден. Именно он более, чем что другое, "влечет нас к смерти".

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Это отлично знают люди, которые были на войне. Я помню (в ту войну), солдаты, усмехаясь, говорили: "Пуля найдет труса". И это в самом деле так. Ибо уstraшенный человек поступает неразумно, бестолково. Он тычется, как слепой, без учета обстановки. Страх парализует его, лишает гибкости, сопротивления. Такой человек делается физически слабым, беспомощным, суетливым. И тогда пуля скорей находит его.

И это в одинаковой мере относится и к условиям обычной, мирной жизни. Уstraшенные, трусливые люди погибают скорей. Страх лишает их возможности руководить собой.

Значит, и в этих случаях, так сказать - "в норме", разум должен прийти на помощь. Он должен уничтожить страх.

4

Да, но как это делается? Легко сказать: не надо бояться смерти. Извольте уговорить человека, что смерть не так страшна. Не поверит. Поднимет на смех. И будет, пожалуй, еще больше страшиться своего конца.

Какой же путь находит разум для того, чтоб уничтожить страх, для того, чтоб не страшиться смерти? А он находит его. Мы убеждаемся в этом на многочисленных примерах абсолютного бесстрашия, удивительного мужества и на тех примерах, которые говорят нам о презрительном отношении к смерти, пренебрежении к ней.

Здесь нет нужды вспоминать прошлое. Мы видим это на многих примерах наших дней.

Можно вспомнить хотя бы комсомольца Александра Матросова, который своим телом прикрыл вражеский пулемет. Он сделал это сознательно. Он пренебрег собой. Страх перед смертью исчез, когда возникло желание помочь товарищам, спасти их, добиться победы.

Один офицер Красной Армии рассказал мне не менее поразительный случай.

В землянке, в блиндаже находилось двенадцать офицеров и два телефониста. Один из офицеров случайно выронил на пол ручную гранату. Граната зашипела. Страшная его небрежность могла погубить его товарищей. Дверь землянки была закрыта. И не имелось возможности тотчас выбросить эту гранату.

Как поступил этот советский офицер? Только несколько секунд оставалось ему для размышления. Он упал на эту гранату. Прикрыл ее своим животом. И она, взорвавшись, буквально уничтожила этого офицера. Причем ни один человек в землянке больше не пострадал. Весь удар и все "сколки" офицер принял на себя.

Он спас товарищей. Страх перед смертью был ничтожен в сравнении с тем чувством, которое было в сердце этого замечательного человека.

Нет сомнения, таких фактов можно найти немало из истории прошлого и из истории наших дней.

Эти факты говорят о том, что разум, идеи и высокие чувства нередко побеждают страх.

Но ведь мы, говоря о страхе смерти, имели главным образом в виду не исключительные случаи, не те случаи, когда смерть была необходимой для достижения высокой цели. Мы имели в виду не героическую смерть, а смерть обычную, так сказать, повседневную.

Среди случаев этой обычной смерти мы хотели увидеть бесстрашие к ней. По этим примерам мы хотели узнать, как поступал разум этих людей для того, чтобы уничтожить страх.

Такие примеры бесстрашного и мужественного отношения к смерти мы находим в большом количестве.

Ломоносов писал перед смертью:

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
"Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют..."

Своему другу по Академии (Штелину) он сказал:

"Я вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею только, что не мог я совершить все то, что предпринял для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии".

Мужественно и просто умирал Суворов. Уже на смертном ложе он, улыбнувшись, спросил Державина – какую эпитафию тот напишет на его могиле.

Наполеоновский министр, знаменитый Талейран, один из умнейших (как мне кажется) людей, писал:

"Я понемногу слабею и знаю, как все это может кончиться. Я этим не огорчаюсь и не боюсь этого. Мое дело кончено. Я насадил деревья, я выстроил дом, я наделал много и других глупостей. Не время ли кончить?"

Л. Н. Толстой (по словам Гусева) сказал:

"Почти чувствую возможность радостно умереть".

Репин за несколько месяцев до смерти писал (К. И. Чуковскому):

"Пожалуйста, не думайте, что я в дурном настроении по случаю наступающей смерти. Напротив, я весел... Прежде всего, я не бросил искусства. Все мои последние мысли о нем... Больше полугода я работаю над картиной "Гопак". Такая досада: не удастся кончить..."

Далее Репин пишет:

"В моем саду никаких реформ. Скоро буду копать могилу. Жаль, собственноручно не могу, не хватит моих ничтожных сил, да и не знаю, разрешат ли..."

Таких примеров спокойного и даже деловитого отношения к смерти можно привести немало.

Однако как же поступали эти люди, чтоб уничтожить страх? Что для этого они делали? Как они добились бесстрашия?

Одна история, с которой я когда-то столкнулся, подсказала мне решение этого вопроса.

Много лет назад, возвращаясь с охоты, я зашел в крестьянскую избу. Я зашел, чтобы выпить кружку молока.

В сенях я увидел крест. Обычный березовый крест, который устанавливается на могилах. Видимо, кто-то умер в этой избе. И вот приготовлен крест для покойника.

Я было хотел уйти, считая, что я зашел сюда не ко времени. Но вдруг открылась дверь избы, и какой-то человек, весьма немолодой, босой и в розовых портках, предложил мне войти в дом.

Выпив кружку молока, я спросил хозяина, кто именно здесь умер и где покойник.

Хозяин, усмехнувшись в бороду, сказал:

– Никто не умирал. И нет покойника. Что касается креста, то это я для себя его приготовил.

Вид у хозяина был далеко не предсмертный. Глаза его светились весело. Походка была твердая. И даже на пухлых щеках его играл румянец.

Посмеявшись, я спросил, зачем понадобилась ему такая торопливость.

Снова усмехнувшись, хозяин ответил:

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

- Так. Был исключительный момент. Но потом он миновал.

Когда, попросившись, я снова вышел в сени, хозяин, похлопав ладонью по кресту, сказал:

- А знаешь, милый человек, когда сей крест мною приготовлен? Семнадцать лет назад.

- Тогда хвораю, что ли?

- Зачем хворал. Маленько испужался смерти. И сделал себе крест в напоминание. И можете себе представить - привык к нему.

- И страха теперь нет?

- И страха нет, и смерти нет. В другой раз интересуюсь умереть - нет, не идет, проклятая. В свою очередь, должно быть, испужалась моего характера...

И вот, вспоминая эту историйку, я с точностью понял, в чем заключалась борьба этого человека со своим страхом. Она заключалась в привычке. В привычке относиться к смерти, как к чему-то обычному, естественному, обязательному. Мысль о смерти перестала быть случайной, неожиданной. Привычка к этой мысли уничтожила страх.

Мы говорили о том, как Гоголя ужаснула смерть. Окружающие увидели эту реакцию. По словам В. С. Аксаковой, окружающие, желая переменить строй мыслей Гоголя, заговорили "о возможности с малых лет воспитать так ребенка, чтоб смерть не была для него нечаянностью".

Вот это отсутствие "нечаянности" - вот это и есть основной мотив борьбы со страхом.

Нет сомнения, люди, столь спокойно относящиеся к смерти, заблаговременно о ней думали. Мысль о ней не явилась для них неожиданной.

Они видели в смерти естественное событие, закономерность все время обновляющейся жизни. Они привыкли думать о ней, как об обычном конце. И поэтому умирали так, как должен умирать человек, - без растерянности, без паники, с деловым спокойствием. И это придавало их жизни какую-то величавость, даже торжественность.

Такое разумное отношение к смерти, быть может, даже удлиняло жизнь этих людей, ибо в их жизни отсутствовал основной противник - животный, не всегда осознанный страх.

5

Привычка думать о смерти, как о чем-то обычном, естественном, уничтожает страх. Однако эта привычка может создать некоторые даже крайности, пожалуй, ненужные в этом деле.

Мы находим примеры слишком уж спокойного и даже отчасти любовного, нежного отношения к смерти. Это уж, я бы сказал, совершенно ни к чему.

Случаи такого крайнего отношения не лишены, впрочем, комичности и хотя бы по этой причине допустимы в человеческой жизни.

Известный библиотекарь Эрмитажа (конец XVIII ст.) И. Ф. Лужков, по словам современников, с необыкновенной любовью и рвением относился ко всяким похоронным делам. Почти ежедневно он присутствовал на отпевании совершенно незнакомых ему покойников. Он бесплатно рыл могилы для бедных. До страсти любил писать эпитафии. И проводил на кладбище иной раз целые дни.

Не довольствуясь этим, он построил себе домик рядом с Охтинским кладбищем. И окна его домика выходили на кладбище, как иной раз выходят в сад.

Лужкову принадлежит нижеследующая эпитафия, высеченная на плите одного его

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
родственника:

"Паша, где ты? – Здесь. – А Ваня? – Подалее немного.

А Катя? – Осталась в суетах".

Таким же отношением к жизни, как к суете – ненужной и, в сущности, рядом с величием смерти, лишней, – прославился еще один человек. Это был отставной вице-губернатор Шевелев (сороковые годы прошлого столетия).

Тот специально узнавал у гробовщиков, где имеются покойники, и, прихватив с собой подушку, шел по адресам. И там, где ему понравилось, он с разрешения хозяев оставался на 2–3 дня. Причем принимал самое деятельное участие во всей суете. Обмывал покойников, снаряжал их в последний путь и по ночам читал над ними то, что полагалось.

Лично для себя он задолго до смерти заказал гроб с какой-то особой прорезью для глаз. Конечно, такая прорезь особых выгод покойнику не давала. Сквозь эту прорезь покойник мог видеть самую малость. А его самого уж вовсе не было видеть. Поэтому Шевелев вовремя спохватился. И велел увеличить прорезь до размеров своего лица.

Причем куплено было какое-то "толстое морское стекло", каковое и было приспособлено к гробу. Получилось весьма мило. Сквозь стекло можно было любоваться покойником, не подымая крышку гроба.

Однако смерть не торопилась приходить за этим любителем захоронений. Гроб несколько лет простоял в его кабинете. И многие гости "любопытствуя влезали в него", чтобы посмотреть, какая панорама раскрывается перед ними сквозь стекло окошечка.

Не без улыбок, вероятно, хоронили этого господина. Должно быть, сквозь стекло забавно было видеть серьезное, вдумчивое лицо покойника, сказавшего новое слово в деле захоронения людей, в деле спасения их от мирской суеты.

Вот это отношение к жизни, как к какой-то напрасной суете, – вот это и есть та крайняя степень, какая весьма характерна для людей, слишком привыкших к мыслям о смерти. Должно быть, и в этом деле требуется некоторая осторожность и разумная мера.

Впрочем, возможно, что возвышенный похоронный стиль требует упоминания, что жизнь – это, мол, суета. Возможно, что это говорится просто так, для красивого словца и, так сказать, для поднятия духа среди покойников.

Видимо, это так, судя по эпитафии, каковая до последнего времени красовалась на Смоленском кладбище:

Что на поверхности земли?
Мирская суета, невзгоды, гам.
Супруга милая, словам внимли:
Здесь отдых, а не там.

Подлец какой! Уговаривает, что отдых здесь, а самого с поверхности земли, небось, калачами сюда не заманишь.

Видимо, все это пишется просто так, по традиции, по влечению сердца к возвышенным словам.

Так или иначе, и сквозь эти крайности видна некая разумность в отношении к смерти – привычка относиться к ней, как к закономерному естественному концу.

Разум побеждает страдания
Чем свод небес прозрачней и ясней,

Тем кажутся нам безобразней тучи,

1

Как много и какие тяжкие страдания иной раз испытывают люди!

Они испытывают эти страдания чуть ли не при всех обстоятельствах горемычной человеческой жизни, чуть ли не на каждом перекрестке их пути.

Эти страдания происходят и от физических причин, и от причин, лежащих в глубинах психики, и от причин внешних, которые иной раз с немалой силой влияют на ту сложную сумму дел и поступков, которая именуется человеческой жизнью.

Эти страдания нередко сопровождаются страхом.

Страх довершает картину жизни.

Страх усиливает страдания, разоружает людей и нередко, как мы видели, влечет их к смерти.

Однако разум побеждает страх. Разум находит пути к счастью. Разум создает науку – науку достойной и справедливой человеческой жизни.

Вооруженные этой наукой люди научились и учатся ломать препятствия на своих путях, учатся создавать иные, лучшие, более достойные условия для своего существования.

И, борясь на этих путях, люди шаг за шагом оттесняют страхи, какие непрерывно владеют ими.

Так, например, в нашей социалистической стране люди избавились от основного страха, связанного с поисками работы и, стало быть, и питания. И в этом отношении у нас нет людей, которые страшились бы за свою судьбу. (Я, конечно, не беру в расчет военные годы, когда люди испытывают неслыханные, страдания, и в том числе многие люди – голод.)

Разум научился освобождать людей от многих физических страданий. Наука борется с этими страданиями с той энергией, которая достойна удивления, радости и наших надежд.

Наука изучила многое из этих страданий. Она изучила механизмы этих страданий. И к многим из этих механизмов были найдены ключи.

Однако еще не полностью подобраны ключи к тем сложным интимным механизмам, какие возникают в глубине нашей психики и действуют на нас, как мы видели, в столь непомерной степени.

Не без робости я попробовал подобрать эти ключи. Ну что ж, если люди скажут, что эти ключи не подходят к их, быть может, изощренным механизмам, то я и примирюсь на этом, уйду, как слесарь, который, поковыряв замок, так и не открыл его в силу своей малой квалификации или по причине вчерашней выпивки.

В общем, не знаю, как для других дверей, а для моих дверей ключи подходят.

Разум избавил меня от многих страданий.

Кто с разумом рассматривает природу, сказал один философ, на того и природа взирает разумно.

2

Иные люди, не зная, откуда берутся страдания, согласны примириться с ними. И они мирятся, ссылаясь на бога и провидение. И даже, быть может, в силу своих характеров, пробуют гордиться этим. Мы знаем, как страдание было возвышено в искусстве, в литературе, в живописи.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Мы помним, какие возвышенные слова произносили литераторы, говоря о том, что страдания облагораживают людей, очищают их, поднимают на высшую ступень добродетели.

Печальное и трагикомическое зрелище – видеть таких страдальцев, кои вместо борьбы предлагают людям кичиться болячками.

Должно быть, месяца за два до своей смерти Алексей Максимович Горький прислал мне удивительное письмо.

Это письмо я называю удивительным, потому что это необыкновенное, мужественное письмо о страдании. И написано оно Горьким, когда страдания его были велики.

Вот что писал Горький:

"...Ах, Михаил Михайлович, как хорошо было бы, если бы Вы дали в такой же форме [9] книгу на тему о страдании. Никогда и никто еще не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остается любимой их профессией. Никогда еще и ни у кого страдание не возбуждало чувства брезгливости.

Освященное религией "страдающего бога", оно играло в истории роль "первой скрипки", лейтмотив основной мелодии жизни... Но в то время, когда "простые люди" боролись против его засилия, хотя бы тем, что заставляли страдать друг друга, тем, что бежали от него в пустыни, в монастыри, в "чужие края", литераторы – прозаики и стихотворцы – углубляли, расширяли его "универсализм", невзирая на то, что даже самому страдающему богу его страдания опротивели, и он взмолился: "Отче, пронеси мимо меня чашу сию".

Страдание – позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтобы истребить...

...Высмеять профессиональных страдальцев – вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович... Высмеять всех, кого идиотские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру.

Вы можете сделать это. Вы отлично сделали бы эту работу. Мне кажется, что вы для нее и созданы. К ней и – осторожно – идете, слишком осторожно, пожалуй!.."

И вот, перечитывая этот отрывок письма Горького, я вновь поражаюсь его словам. И тому, что Горький сумел найти эти слова, страдая сам. И тому, что он с такой точностью понял, чем я был тогда озабочен. Именно этими вопросами я тогда был занят, собирая первые материалы для этой моей книги, первоначально названной "Ключами счастья".

Я написал было ответ, однако не послал его, так как я узнал, что Горькому хуже. Я не хотел тревожить его, больного.

В этом ответе я писал, что именно такая книга у меня намечена. Однако (писал я) в этой книге я бы хотел не только высмеять "страдальцев", но и найти хотя бы некоторые причины страданий, для того чтобы понять, откуда возникают эти страдания.

Первый экземпляр моей книги я обещал прислать Горькому.

Как больно и как печально, что Горького нет.

Я мысленно посвящаю ему эту мою книгу.

3

Разум побеждает страдания. Но "страдальцы" отнюдь не хотят сдавать своих позиций.

Именно они объявили горе разуму и стали опасаться его, решив, что все страдания происходят от него и ни от чего больше.

Чем же, однако, разум так не угодил, чем рассердил и разгневал страдальцев?

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Некоторые причины мы нашли, по которым разум и даже будущее его подверглись сомнению.

Мы развенчали эти сомнения по мере своих слабых сил.

Однако, быть может, мы что-нибудь еще пропустили? Может быть, мы не учли что-нибудь такое исключительное, из-за чего разум можно бесспорно признать бесполезным или виновным в людских страданиях?

Как будто бы нет. Я мысленно просматриваю все, что относится к людям, все, что составляет их жизнь, – далекие путешествия, свидания друзей, работу, любовные встречи, искусство поваров и кухарок, беседы в жактах, речи защитников и прокуроров, спектакли в театрах, хлопоты в учреждениях...

Нет, решительно нет! Разум не приносит страданий. В любом из этих дел разум не является лишним. Напротив. Наоборот. Боже мой! Какие счастливые надежды зажглись бы в наших сердцах, если бы высокий разум присутствовал на каждом шагу, при каждой малости, при каждом вздохе!

Может быть, впрочем, имеется подозрение, что любовные мотивы при наличии высокого разума звучат заглушенно и тем самым приносят людям меланхолию и печаль?

Нет. Как будто бы нет. Все нормально.

Что же тогда остается? Потеря такой, что ли, птичьей легкости, потеря непосредственности барана? Но это уж не настолько приносит страдания людям, чтоб отказаться от разума.

Извольте выслушать одну небольшую историю, по которой вы увидите, что и в этой области разум в конечном счете одерживает верх.

Однажды флоберу сделали операцию. У него был какой-то нарыв на щеке.

По этому поводу флобер пишет своей возлюбленной (Луизе колле) меланхолическое письмецо о том, какие несчастные создания люди: подвергаются непрестанному процессу порчи и гниения.

Вот в каких неосмотрительных выражениях флобер пишет:

"Как будто недостаточно всей той гнили и заразы, что предшествует нашему рождению и ожидает нас после смерти... Сегодня теряешь зуб, завтра волос, открывается рана, созревает нарыв... Прибавь к этому мозоли на ногах, естественные дурные запахи, секреты всякого вида и вкуса – все это дает необычайно заманчивую картину человеческой особи. И подумать только, что это любят!.."

Нет, конечно, так нельзя было писать. Тем более женщине, которую любишь. Тут надо было обуздать свое высокое сознание. Не умничать. Попридержаться себя. В крайнем случае, извиниться, если разум увлек тебя в такие дали и ты произнес лишнее.

Впрочем, и дама, имея разум, не должна была бы сердиться настолько, как она рассердилась.

Мы не знаем, в каких именно словах возлюбленная ответила флоберу, но, судя по его письму, слова ее были весьма и весьма неприятные.

Вот что писал флобер, оправдываясь и не понимая своей вины:

"Раньше я казался Вам возвышенным – теперь кажусь жалким... Что же я сделал, боже мой, что? Вы утверждаете, что я обращаюсь с Вами, как с женщиной последнего сорта... Я не понимаю Ваших обид и ссор..."

Нет, все кончилось хорошо. флобер примирился со своей возлюбленной. Так что, в этом отношении разум восторжествовал, и высокое сознание указало, как надлежало поступить.

Дама вновь расцвела и продолжала считать флобера возвышенным. И маленькая

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
любовная история, в которой присутствовал ум и отсутствовала непосредственность, была забыта.

Нет, я решительно не вижу причин страшиться высокого разума. Как видите – даже в этих делах все обходится вполне удовлетворительно и без особых страданий.

4

Страдание – позор мира, и надобно его ненавидеть, чтоб истребить.

Так сказал Горький. И я целиком разделяю его мнение. Чтоб истребить страдание, существует наука. Она сделала немало. Но впереди предстоит сделать еще больше. Огромный и светлый путь лежит впереди.

Быть может, найдены будут многие и многие ключи, открывающие тайные механизмы страданий. Быть может, найдены будут еще и иные причины страданий, те, о которых мы еще не знаем.

Быть может, даже будет раскрыто то, что сейчас весьма занимает науку, – вопросы излучения.

Только лишь робкие шаги наука сделала в этой области. И, нет сомнения, разум поднимает завесу над тем, что скрыто от нас еще в большей степени, чем было скрыто в тайных механизмах больших полушарий.

Быть может, и в этой области найдены будут некоторые причины страданий, от которых можно освободиться.

Все живое излучает. Вот что без слишком большой уверенности найдено современной наукой. Все живые ткани способны излучать энергию, близкую своими свойствами электричеству.

Были найдены разного рода лучи и разного рода токи.

Первоначально возникло мнение, что эти лучи возникают только лишь в силу химической реакции, которая происходит в крови. Так, например, было найдено, что кровь лягушки выделяет ультрафиолетовые лучи.

Подобное излучение было обнаружено и у животных, и у человека.

Было замечено, что кровь больных (скажем, больных саркомой, раком) не излучает. Старость и дряхлость излучает в малой степени.

Затем было найдено, что излучает не только кровь: излучают мышцы, мозг, кожа, нервы...

Было найдено, что мозг излучает электромагнитные волны. И эти волны вполне улавливаются антенной. И что эти весьма ощутимые волны создаются движением электронов, летящих со скоростью света.

Оказалось, что сложный мозг человека, имеющий бесчисленное количество клеток (свыше 12 миллиардов), способен принимать и удерживать огромное количество электронов. Во всяком, случае, оказалось, что мозг является, видимо, центром сложной электрической цепи.

Было найдено, что расстроенная мозговая деятельность проявляется особой формой и особой частотой волн. Иными словами – величина и напряжение тока меняются в зависимости от состояния мозга.

Мозг истериков, невротиков, эпилептиков в иных случаях создает токи, во много раз превышающие норму. Это в одинаковой мере относится и к некоторым видам психических болезней.

Лучи, возникающие в тканях живых организмов, названы были мито-генетическими лучами. Это открытие имело обширную литературу, однако судьба этого открытия мне не полностью известна – я слышал, что эти лучи будто бы взяты под сомнение. Не был доказан характер (и происхождение) этих весьма слабых, малоинтенсивных

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
лучей.

Однако судьба этого открытия не меняет дела. Наличие в нашем организме токов и всякого рода излучений не оставляет сомнения. Еще значительно раньше этого открытия было известно, что некоторые животные, в особенности глубоководные, обладают свойством излучения. Известно, например, что морской скат оглушает свою добычу весьма сильным электрическим ударом (до 80 вольт).

Было известно, что и люди являются носителями некой электрической энергии.

Знаменитый художник Ван Гог в своем письме пишет о Гогене:

"Зачастую наши беседы оживлялись исключительно сильным электрическим флюидом. Иногда же мы кончали беседу с усталыми головами, как электрические батареи после разрядки".

Видимо, открытие биотоков и всякого рода излучений живого организма не является чем-то новым.

Эти излучения, эти токи есть, видимо, нечто бесспорное, неотделимое от всего, что живет.

Это свойство живых тканей не противоречит общему принципу, найденному и в отношении всех тел. Было найдено, что в основе строения атомов лежит сложный электрический заряд.

Причем это относится к атомам [10] любого вещества.

Стало быть, вещество является носителем сложных электрических зарядов. [11]

И, стало быть, электрический заряд есть в каком-то счете основной состав материи, это есть, видимо, первичный материал, из которого создан мир.

Наука не вполне знает, что такое электричество и сколько имеется видов этой энергии.

Однако многие соотношения в этой области известны.

Одно из самых элементарных соотношений – это то, что электрический ток любого порядка вызывает вокруг провода, по которому он идет, магнитные силы. И всякое изменение электрического поля сопровождается возникновением магнитных полей.

И принцип этот в одинаковой мере относится к токам любого свойства.

Стало быть, любые излучения есть электромагнитные излучения.

Это относится и к свету, и к теплу, и к радио, и, видимо, к биотокам, ибо все виды этой энергии возникают с помощью электрических волн.

Эти электромагнитные волны распространяются лучеобразно, подобно тому, как на поверхности воды распространяются волны от упавшего камня.

Если это так, то должно существовать и влияние электромагнитных волн на окружающую материю.

Стало быть, мозг человека, находящийся в сложной электрической цепи и в сложных электрических отношениях, несомненно испытывает разнообразнейшие влияния.

Можно смело сказать, что мозг не является чем-то обособленным, каким-то единым, изолированным хозяйством. Он не огражден от всякого рода влияний. Он не замкнут в себе. Это противоречило бы элементарным принципам.

Мы знаем, что деятельность больших полушарий характеризуется двумя основными процессами – возбуждением и торможением.

Стало быть, если говорить о каких-либо влияниях извне, то эти влияния в первую очередь отнесутся именно к этим процессам. И если действительно аппарат нашего мозга не замкнут в себе, то влияния извне могут сказаться на том или ином

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
изменении этих процессов. Причем эти изменения, видимо, могут последовать как в соответствии с внутренними импульсами, так и вопреки им.

Во всяком случае, если допустить, что влияние извне имеется хотя бы в самой малой степени, то процессы возбуждения и торможения не протекают только лишь от единых внутренних причин, замкнутых в человеческом теле.

Другой вопрос – какой силы эти влияния и каково происхождение этих влияний.

Такого рода вопрос наука решить пока не сумела. И далее предположений, иной раз весьма сомнительных, не пошла.

Однако в нашу задачу и не входит решение этого вопроса. В нашу задачу входит только лишь сделать предположение о наличии этих влияний и возможных последствий этого на деятельность больших полушарий мозга.

Мне кажется, что сомнений нет – влияние извне имеется. Известен опыт, произведенный Г. Гурвичем. Ученый доказал, что две луковицы, посаженные рядом, влияют друг на друга. Короткие ультрафиолетовые лучи, возникающие в одной луковице, способствуют и вызывают усиленное деление живой клетки в соседней луковице.

Во всяком случае, если эти луковицы отделить друг от друга пластинкой, не пропускающей ультрафиолетовые лучи, то рост этих луковиц замедляется и значительно ослабляется процесс деления клетки. Стало быть, эти лучи являются ближайшей причиной клеточного деления. И, стало быть, такого рода влияние извне на живые ткани бесспорно.

Видимо, бесспорно, что все живые существа в той или иной степени оказывают влияние друг на друга. Видимо, не только мозг находится в сложной цепи электрических отношений, видимо, весь организм животного не есть нечто локализованное в своем едином хозяйстве.

Целый ряд такого рода влияний извне мы знаем на практике жизни. Мы знаем хотя бы то, что крайняя степень невращения, психической угнетенности неблагоприятно действует на окружающих. Окружающие, в свою очередь, начинают в какой-то мере испытывать подобную угнетенность. Иной раз даже незнакомый человек, вошедший в комнату, влияет неблагоприятно – окружающие начинают чувствовать какую-то "неловкость", скованность, начинают чувствовать, что им "не по себе".

Такого рода примеры подтверждают, что влияния извне имеются. И что влияния эти в первую очередь сказываются на процессах торможения, происходящих в мозгу.

Если это так, если существует влияние, если мозг человека улавливает излучения, возникающие извне, то как отражаются эти внешние колебания на человеческой психике? Какое значение имеет этот внешний "фон" для поведения человека?

Нам кажется, что не следует преуменьшать значения этих влияний. В какой бы малой степени они ни были, они играют роль в психической жизни.

Допустим, что мозг человека начал испытывать весьма сильное влияние и оно выразилось в усиленном торможении. Не зная, почему возникла эта заторможенность, человек непременно постарается мотивировать эту свою угнетенность какой-либо материальной или нравственной причиной.

На здоровой психике человека такая случайная, иной раз фальшивая мотивировка не отразится сколько-нибудь существенно. Заторможенность уйдет, и мотивировка забудется. Однако для психики нездоровой (в особенности при случаях психоневроза) такая неверная мотивировка весьма существенна, ибо причина угнетенности будет разыскиваться среди тех "больных предметов", с какими произошли "столкновения". Тем самым эти "больные предметы" еще в большей степени будут утверждены в психике, как предметы опасные. Иными словами, ложные доказательства опасности утвердятся.

Нет сомнения, эти вопросы весьма нелегко поддаются анализу, и предположения здесь следует делать весьма осмотрительно, однако принцип соотношений уже можно увидеть.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Все эти вопросы – вопросы дальнейших поисков науки.

Что касается силы внешних влияний и происхождения их, то эти вопросы тем более не поддаются еще учету.

В науке не раз высказывались предположения о космических влияниях, о влияниях Солнца и звезд на органическую жизнь Земли. Вопросы эти – древнего происхождения. И наука прошлого не раз склонялась к решениям, по которым организм животного рассматривался как микрокосмос.

Во всяком случае, современная наука вовсе не отвергает значения тех излучений и той энергии, какие получает извне наша планета.

Были открыты так называемые космические лучи. Они представляют собой поток огромной силы и состоят из электрических зарядов, которые бомбардируют нашу Землю. Падая на границу нашей атмосферы, они способны деформироваться, способны превращаться в иные силы. [12]

Энергия этих электрических зарядов чрезвычайно велика, однако, падая на нашу Землю, заряды эти весьма ослабляются в своей энергии.

Во всяком случае, наука ведет огромную работу по изучению интенсивности этих излучений. В свое время этим был занят погибший при аварии стратостата И. Усыскин. Им были проделаны измерения до 22 километров. Установлено, что на высоте 5 километров интенсивность излучения в 6 раз превышает интенсивность на уровне моря. На высоте же 10 километров эта интенсивность лучей в 40 раз больше, чем на уровне моря.

Стало быть, энергия лучей, проходящих атмосферу, чрезвычайно снижается. И, видимо, влияние этих лучей не столь существенно, как иной раз предполагается теми, кто хочет снизить значение человеческой жизни и человеческого разума.

Во всяком случае, будущая наука решит вопросы о силе этого влияния и о значении этого влияния на психику и поведение человека. И если окажется, что влияние это сколько-нибудь имеет значение и тем самым люди испытывают некоторые страдания, о которых они не знают, разум человека и в этой области принесет освобождение.

Разум побеждает старость
Но старость, черт ее дери,

С котомкой и клюкой

Стучится, черт ее дери,

Костлявою рукой.

1

Однажды я шел с моим другом по улице, беседуя с ним о старости.

Мой друг склонялся к тому, что старость не так уж отвратительна, как многие думают. Он напомнил мне слова Л. Толстого о старости: "Я никогда не думал, что старость так привлекательна".

Я спорил с моим другом. В то время я не без страха взирал на людей, которые гаснут, дряхлеют, превращаются в жалкую рухлядь.

Я спорил с моим другом, доказывая ему, что старость есть нечто ужасное, даже ужаснее, нежели смерть. Это есть потеря и ослабление чувств, желаний, намерений. Что может быть хуже?

У меня тогда были неверные мысли о старости.

Когда мы, беседуя, свернули с Невского на Фонтанку, произошел несчастный случай. Мой друг оступился, упал, и проходивший грузовик слегка задел его. Ранение было не слишком велико. Оно выразилось в царапинах щеки и уха. Однако верхняя губа

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
оказалась изрядно рассеченной.

Я вызвал карету скорой помощи и отвез моего стонущего друга в больницу. И там тотчас его положили на стол, чтобы зашить рассеченную губу.

Я присутствовал при этой операции, крепко сжимая руку своего товарища, который страшно нервничал и стонал.

Перед тем как приступить к операции, хирург (молодая женщина) обратилась с вопросом ко мне, так как у пострадавшего необычайно вспухла губа и он не смог бы ответить. Женщина-хирург спросила:

- Сколько лет вашему знакомому? Я не знал. Пожал плечами. Сказал:

- Какое это имеет значение. Скорей делайте операцию - видите, в каком он состоянии... Вероятно, ему лет за сорок.

Женщина-хирург, тоже пожав плечами, сказала:

- Это имеет не маленькое значение. Если ему меньше 40-50 лет - я сделаю ему пластическую операцию. А если 50, так я... так зашью... Нет, все будет хорошо и как полагается, но уже, конечно... не то что... как бывает при пластической операции.

Тут пострадавший, услышав эти слова, застонал и заметался на столе. Рассеченная его губа не позволила ему вступить в пререкания с врачом. Подняв руку, он выкинул четыре пальца и, потрясая ими, как бы говорил - только сорок, только, черт возьми, сорок, делайте пластическую операцию.

Слегка поломавшись, женщина-врач приступила к пластической операции.

Нет, губа была зашита порядочно, шрам был невелик, но моральное потрясение еще долго сказывалось на моем друге. Он позабыл о том, что его задела машина, его потрясение было в ином - он не мог позабыть слова хирурга о пятидесятилетних людях, которым можно зашивать губы так, как иной раз зашивают матрацы, стегая грубой ниткой через край.

Вот эта душевная боль моего стареющего друга осталась у него надолго. Эта боль осталась и у меня. И о старости я стал думать еще хуже, чем я до сих пор думал.

И решил с ней бороться.

2

Нет, я никогда не мечтал жить долго, никогда не хотел жить до ста лет. Я не видел в этом прелести или удовольствия.

Но я бы хотел жить так, чтоб не особенно стареть, чтоб не знать жалкой слабости, дряхлости, уныния. Я бы хотел до конца своих дней быть сравнительно молодым. То есть таким, который не потерял бы в битвах с жизнью некоторую свежесть своих чувств. Вот это примирило бы меня со старостью. Я не стал бы так гнушаться этих предстоящих лет. Я бы ожидал мою старость не столь озлобленно и не с таким отвращением, какое было в моем сердце.

"Но как это сделать? - думал я. - Как поступать мне, чтобы объятия старости не были бы для меня слишком чувствительны? Что нужно сделать для того, чтоб в старости чувствовать себя здоровым, цветущим, сравнительно молодым, если не юным?"

Неужели человеческий разум не придет на помощь в этом весьма законном желании?

И вот тогда я стал присматриваться ко всем старикам. Из них я выбирал себе таких, у которых были яркие щеки, твердая походка, гладкая кожа, крепкие руки и молодые, сияющие глаза.

Я не столь часто находил таких стариков, но когда находил, не выпускал их из виду. Я следил за ними, присматривался к их жизни, к их поведению, к их привычкам.

Я хотел, наблюдая над ними, вывести какое-нибудь правило, по которому не угасает молодость.

Я не мог вывести такого правила, ибо каждый из этих стариков жил по-разному, по-своему, не придерживаясь каких-либо норм.

Я стал расспрашивать многих цветущих стариков об их секретах. И они охотно мне отвечали.

Впрочем, каждый из них говорил по-разному, каждый имел свои особенности и свои мотивировки, по которым он считал, что его жизнь продолжает цвести.

Один старик, которому было 70 лет, так ответил мне:

– Я никогда не курил. Табак изнашивает наши ткани. И вот, быть может, причина, отчего я молод.

Другой старик, которому было не меньше лет, сказал:

– Табак не влиял на меня в дурную сторону. Но я всегда занимался спортом, физкультурой. Спал при открытом окне. Вот что, вероятно, подействовало на меня благоприятно.

Третий замечательный и даже великолепный старик, юношески бодрый и свежий (а это был Бернард Шоу) ответил мне на одном обеде, который давали в его честь. Усмехаясь, писатель сказал:

– Вот уже 35 лет я не ем мяса. Не найдете ли вы в этом обстоятельстве причины моей молодости?

Нет, в этом обстоятельстве я не нашел причины молодости 75-летнего старика.

Я тем более не нашел этой причины, что рядом со мной сидел другой, 70-летний старик (а это был Ф. Кон), который сказал:

– Я всю жизнь ем мясо. И тем не менее здоров и бодр. Причины в ином – я работаю, работа меня увлекает, я точен и аккуратен в работе, как часы. И вот, быть может, тот секрет, который вы ищете.

Еще один старик (весьма выдающийся деятель искусства М.) сказал:

– Причина моей молодости – работа, вдохновение. Вот откуда я черпаю мою сравнительную свежесть. Но зато когда работа кончена – я выдуваюсь, как резиновая свинка, которой прокололи бок.

Еще один замечательный старик (это был народный артист Ю.) сказал:

– Видите ли, в чем дело, – я много ем, много работаю, я все делаю много, я ни в чем себя не ограничиваю. Не запрещаю себе ничего из того, что мне хочется. И знаю: когда я начну себя ограничивать, когда начну бояться, когда страх проникнет в мое сердце, – тогда я погиб. Тогда и жизнь и молодость закончатся одновременно.

Мне очень понравился этот ответ. Но это правило было не для меня – я не привык много есть и не привык исполнять все мои желания. И не намерен был изменять своим привычкам. Однако вторую часть ответа я признал справедливой.

Еще один человек, которому было 70 лет, а выглядел он сорокалетним (это был датский писатель М. А. Н.) ответил мне, взглянув на свою молодую жену:

– Я люблю.

Смутившись, жена этого человека сказала:

– Нет, нет, не только это. Мой муж любит свою литературную работу. Он много работает. И вот причина, которую вы ищете.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Еще один цветущий старик, которому на вид было 40, а на самом деле ему было 63 (это был поэт Ц.) сказал мне, тяжело вздохнув:

- Я молод оттого, что ем помидоры, клюкву и морковь. Но что толку в том.

И тут, продолжая тяжело вздыхать, поэт рассказал мне, маленькую историйку, случившуюся с ним. В него влюбилась молодая девушка - студентка Н. Она однажды осталась у него. И они были счастливы. Наутро, когда поэт вышел в коридор, девушка, сидя перед зеркалом, случайно увидела паспорт, его паспорт, который лежал на столе.

Когда поэт вернулся в комнату, он застал девушку в слезах.

Сквозь рыдания она сказала:

- Боже мой! Я не знала, что вам столько лет. Я бы никогда не пришла к вам. Боже мой, как я низко пала!

Я утешил поэта, сказав, что девушка глупа. И вот почему она так сказала. Однако мое сердце сжалось. Но потом утешилось, когда я подумал, что я ищу молодость вовсе не для любовных встреч. А если они и будут происходить, то паспорт можно будет прятать.

Еще один старик, от которого пахло винным перегаром, сказал мне:

- Только вино поддерживает мои силы. Только вино давало мне бодрость, молодость и, если хотите, юность.

Я внимательно взглянул на этого старика. Нет, это была не молодость и не юность. Распухшее лицо. Красные слезящиеся глаза и дрожащие руки говорили об ином. Они говорили об эпитафии, которой надлежало бы увековечить скорую кончину старика:

Здесь покоится жалкое тело,
Разлученное с жалкой душой!

В общем, я расспрашивал еще многих и многих стариков. И все они отвечали по-разному. Все они находили свои правила, годные им, но, быть может, не совсем пригодные другим людям.

Однако некоторые их правила были полезны для меня, и я ими воспользовался. Тем не менее, молодость ускользала от меня даже в мои 30 лет.

И тогда я стал думать о таком правиле, которое надлежало мне найти для своих надобностей, для своей жизни, для своих свойств.

И вот мне показалось, что я нашел это правило и что оно пригодно для меня в высшей степени.

Я имел в виду то, о чем я пишу в этой книге.

Я имел в виду контроль, который я в дальнейшем установил для того, чтобы освободить мой разум и мое тело от низших сил, от их страхов и ужасов, от их действия, каковые выражались в бессмысленной, дикой, ошибочной обороне перед тем, перед чем обороняться не следовало.

И вот в силу этого мой разум и мое тело стали свободными от множества препятствий и бед. И от страданий, какие я покорно сносил, полагая, что это так и должно быть.

И это мне дает надежду, что старость не коснется меня в столь ужасной степени, какую мы иной раз наблюдаем.

Эпилог

Сознание - это такая вещь, которую люди приобретут - хотят они этого или нет. [13]

1

И вот моя книга подходит к концу.

Что остается еще сказать? Сказано немало. Остается добавить, как это полагается в финалах, о судьбе героев.

Основной герой – это отчасти я, отчасти та страдающая личность, ради которой и было предпринято мое сочинение.

Обо мне, пожалуй, все сказано, что можно было сказать.

Юношеские мои годы были окрашены черной краской, меланхолия и тоска сжимали меня в своих объятиях. Образ нищего преследовал меня на каждом шагу. Тигры подходили к моей кровати, даже когда я не спал. Рев этих тигров, удары и выстрелы довершали картину моей печальной жизни.

И куда бы я ни обращал свой смущенный взор – всюду я видел одно и то же.

Гибель ожидала меня в любой момент моей жизни.

Я не захотел погибнуть столь плачевным образом.

Я захотел изменить свою несчастную судьбу.

Я предпринял атаку против тех врагов, каких я обнаружил путем следственного розыска.

Этих врагов оказалось немало.

Среди них. один – неосознанный страх – был обращен в бегство вместе со своим коварным оборонным оружием.

Другие мои враги сдались на милость победителя.

Некоторые из них были мной уничтожены. Другие были закованы в кандалы и брошены в свою прежнюю темницу.

Я вышел победителем. Я стал иным после этой битвы. Мало сказать – иным: возникла новая жизнь, совершенно не похожая на то, что было раньше.

Временами противник делал попытки вернуть свои позиции. Однако мой разум контролировал все его действия, и эти попытки прекратились.

2

Значит, победа принадлежит разуму?

Но разве этот контроль, постоянная бдительность, настороженный взор не приносит в свою очередь огорчений, несчастий, тоски?

Нет. Этот контроль, эта бдительность и настороженность были нужны только лишь во время сражений. В дальнейшем я обходился без этого и жил почти добродушно, как живет большинство.

Но разве от этих битв не пострадало мое ремесло художника? Разве победивший разум не изгнал вместе с врагами то, что мне было дорого, – искусство?

Нет. Напротив. Моя рука стала тверже. И голос звонче. И песни веселей. Я не потерял мое искусство. И тому порукой мои книги за последние десять-двенадцать лет. Тому порукой эта моя книга. Она написана во многих жанрах. И жанр художника здесь, смею надеяться, не самый слабый.

Значит, подобный контроль над низшими силами можно осуществлять без всякого вреда для себя?

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Да. Но такой контроль надлежит делать людям, умеющим профессионально мыслить, умеющим анализировать. Такой контроль необходимо произвести только лишь с помощью врача. Я остерегал читателя от дилетантских попыток, приводя в пример первые свои поражения.

Я знаю, что имеется немало противников, кои выступают и будут выступать, понося этот метод контроля, да и сам контроль.

Что лежит в этом протесте, и какие доводы приводят противники?

Некоторые из них считают, что такой контроль неосуществим. А если и осуществим, то это и не контроль вовсе, а нечто вроде самогипноза.

Это, конечно, вздор. Элементы самогипноза если иной раз и возникают, то от них нет вреда.

Иные противники считают, что подобный контроль и весь процесс анализа доступен только лишь немногим. Дескать, это наука для немногих, она, дескать, не массового характера, как метод для излечения.

Ну что ж. И болезнь, связанная с психикой, относится к весьма немногим. Эта болезнь также не носит массового характера. И, стало быть, мотив противников неоснователен.

Есть и еще довод у противников. Заторможенность, говорят они, есть в некотором роде биологическая необходимость. Если возникает заторможенность (пусть и патологического характера), то она возникает оттого, что этого требует тот или иной неполноценный организм, неполноценный от рождения. Такая заторможенность есть, в некотором роде, норма. С ней надлежит примириться. Как и надлежит примириться с тоской и меланхолией. Ибо счастье человечества – не в свободной воле и не в свободном разуме. Счастье – в тех тисках, которые ограничивают людей в их желаниях.

Эти мотивы обычно приводят те люди, которые страшатся заглянуть в самих себя, те люди, которых сжимают страхи, сжимают низшие силы, не позволяя им поднять свою голову, чтоб увидеть мир, освещенный ослепительным солнцем.

Именно об этих людях сказано у поэта:

О горе! Бежать от блеска солнца
И услады искать в тюрьме, при свете ночника...

Эти люди согласны провести свою жизнь при свете ночника, только чтоб не потревожить своих страхов.

Каждая страница моей книги будет вызывать у таких людей лихорадку.

Уже я слышу визгливые их голоса.

Когда-то один человек, неглупый, но крайне скованный, сжатый неосознанным страхом, почти уничтоженный им в его личной жизни, писал мне:

"Не думайте, что я вылез из неврастения, я только изобрел способ... Неврастения состоит в тоске (главным образом). Значит, надо ассимилировать себе тоску. Вот и весь способ. Я внушил себе, что это состояние неизбежно и что к нему надо привыкнуть".

Вы понимаете, что сказал этот человек? Он сказал, что к тоске нужно привыкнуть. Не изгнать ее, не уничтожить, не исследовать причины этой тоски, а привыкнуть к ней, полюбить ее.

Какие рабские чувства! Какое раболепство перед страхом! Как явственно видны причины протеста!

Такого рода примеры протестующих "страдальцев" еще более убеждают меня, что контроль разума необходим.

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
В 1936 году я получил одно ужасное письмо. Крестьянин (Воронежской области) из мести зарубил топором семью своего соседа. У соседей была давняя ссора, и вот этот крестьянин, охваченный бешеным чувством ненависти, наконец совершил свое кровавое преступление.

Этого человека, естественно, приговорили к высшей мере. Находясь в камере, этот малограмотный человек читал книги и среди них повстречался с моей книгой "Возвращенная молодость".

Я не знаю, что понял этот человек, прочитав мою книгу, но одну идею он уразумел. Он понял, что человек может и должен руководить собой.

Пораженный этой простой мыслью, преступник написал мне письмо о том, что если бы он знал об этом – он не совершил бы своего преступления. Но он не знал, что можно управлять своими чувствами.

Не дело, чтоб низшие силы одерживали верх. Должен побеждать разум.

Послесловие

Итак, книга закончена.

Последние строчки этой книги я дописываю в октябре 1943 года.

Я сижу за столом в своем номере на десятом этаже гостиницы "Москва".

Только что по радио сообщили о разгроме немецких войск на Днестре. Наши доблестные войска форсировали

Днепр. И вот теперь гонят противника дальше.

Итак, черная армия, армия фашизма, армия мрака и реакции пятится назад.

Какие счастливые и радостные слова! Впрочем, иначе и не могло быть. Не могло быть, чтоб победили люди, выступившие против всего, что дорого народам, – против свободы, против разума, за рабство, за звериный вой вместо человеческой речи.

Наша доблестная Красная Армия гонит и уничтожает противника, черные мысли которого стали еще черней.

Ночь. Передо мной листы моих рукописей.

Я перелистываю их и вношу последние поправки.

Сквозь занавешенные окна пробивается рассвет.

Я открываю дверь и выхожу на балкон.

Холодное октябрьское утро. Тишина. Москва еще спит. Улицы пустынные и безлюдны.

Но вот где-то на востоке розовеет небо. Наступает утро. Лязгая железом, проходит первый трамвай. Улица заполняется народом.

Холодно.

Я возвращаюсь в свой номер. Собираю разбросанные листы моей законченной книги. Мысленно прощаюсь с ней. Восемь лет эта книга была в моей голове. Восемь лет я думал о ней почти ежедневно. Восемь лет – это не маленькая часть человеческой жизни.

Мне приходят на ум прощальные стихи. Нет, я, быть может, произнесу их когда-нибудь в дальнейшем, когда буду прощаться не с этой книгой и не с восемью годами моей жизни, а со всей жизнью.

Это стихи греческого поэта:

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Вот что прекрасней всего из того,
что я в мире оставил:
Первое – солнечный свет, второе –
спокойные звезды
С месяцем, третье – яблоки, спелые дыни
и груши...

Впрочем, к звездам и к месяцу я совершенно равнодушен. Звезды и месяц я заменяю чем-нибудь более для меня привлекательным. Эти стихи я произнесу так:

Вот что прекрасней всего из того,
что я в мире оставил:
Первое – солнечный свет, второе –
искусство и разум...

А уж на третьем месте можно будет перечислить что-нибудь из фруктов – спелые груши, арбузы и дыни...

1 Пусть это мое состояние остережет читателя от подобных опытов. Только под наблюдением врача можно производить исследование психики и анализировать сны. Такое самолечение привело меня к тяжелым последствиям. И только лишь профессиональное умение думать и анализировать спасло меня от еще большей беды. Читатель не должен следовать моему примеру. Это более чем опасно.

2 В дальнейшем, когда все было распутано, я с точностью выяснил источник моего сердечного невроза. Этот невроз имел уже солидную давность. Он существовал с благословения врачей, которые лечили его микстурами, и гидротерапией. Я покорно нес эту хроническую болезнь. И даже привык к ней.

И вот, когда все было распутано, когда страхи стали постепенно покидать меня, я проследил однажды за течением сердечного припадков. Не подавляя его, не прибегая к лекарствам, я позволил ему возникнуть и действовать в той степени, какая раньше всегда страшила меня. Но теперь я контролировал и возникновение, и весь процесс и с удивлением обнаружил, что привычные симптомы со стороны сердца происходят от спазмов желудка и кишечника. Эти спазмы не достигали значительной силы, но они давили на диафрагму, и явления со стороны сердца были результатом этого давления. Стало быть, снова за этим припадком лежал страх. И болезненные симптомы были простейшими симптомами страха. Развенчав этот страх, я убрал тяжелый хронический невроз сердца с той легкостью, как если бы его и вовсе не было.

3 Это наименование – больные предметы – я взял у Дюбуа. Больными предметами я называю такие предметы, которые произвели на младенца болезненные впечатления, с которыми была условно связана какая-либо беда, боль, травма.

4 Врач, лечивший Гоголя, – Л. Тарасенков, – оставил следующую запись о Гоголе: "...Болезней в нем не было заметно; сношений с женщинами он давно не имел и сам признавался, что не чувствовал в том потребности и никогда не ощущал от этого особого удовольствия..."

5 Этим, например, объясняются причины случаев, когда старик "впадает в детство".

6 У Некрасова была раковая опухоль прямой кишки. Причем эта опухоль была вырезана за четыре месяца до его смерти. Однако опухоль эта могла возникнуть только незадолго до операции.

7 До брака с Ганской у Бальзака было немало увлечений и связей, однако эти отношения не казались "опасными" – их можно было порвать. Брак же препятствовал бегству. Конфликт усложнялся, создавалось "безвыходное" положение.

8 Эти свойства высокого ума как раз и помогут обнаружить ошибку в сфере условных связей.

9 Речь идет о моей "Голубой книге".

10 Всякое вещество состоит из молекул, которые являются самой малой частью вещества. Молекула – это есть мельчайшее подразделение, которое мы можем

Повесть о разуме. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru получить, не изменяя химических свойств вещества. Скажем, лед состоит из молекул воды. Но если подразделять молекулу воды, то это уже будет не вода, а атомы кислорода и водорода.

11 Сами атомы являются резервуарами огромнейших запасов энергии. Распад или расщепление атома – это превращение материи в энергию.

12 Нейтральный атом (ядро, заряженное положительно, и окружающие это ядро отрицательно заряженные электроны) способен делиться на две заряженные частицы. Процесс этого деления называется ионизацией.

13 К. Маркс. Из переписки 1843 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!